

ЭМИЛИ РОДДА
Роуэн из Рина

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«АЗБУКА-КЛАССИКА»

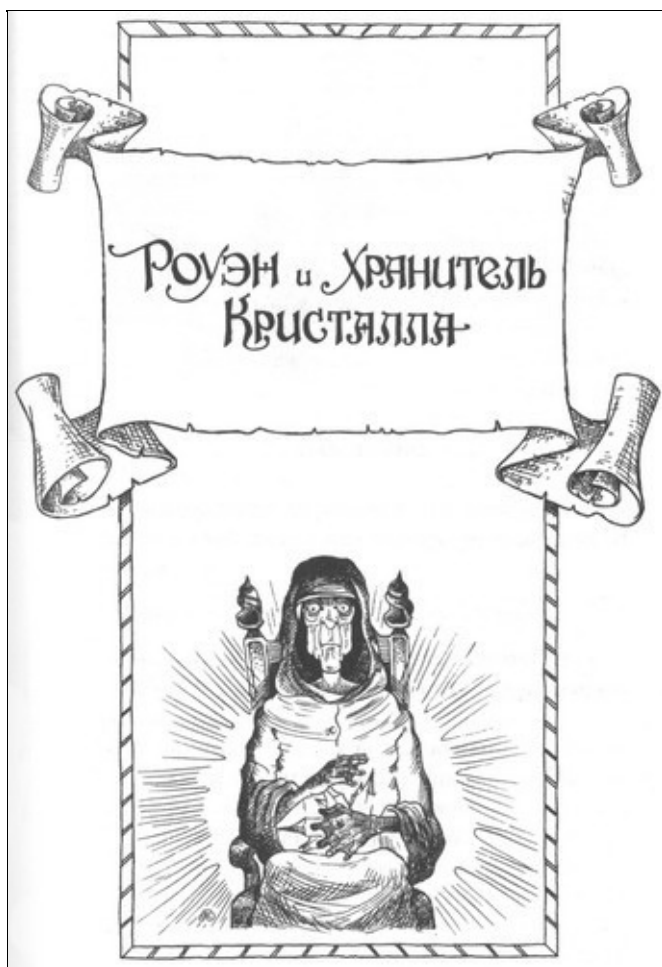
Эмили Родда — самая популярная детская писательница Австралии и автор мирового бестселлера «Волшебный пояс Тилоары». Ее роман «Роуэн из Рина» признан в Австралии лучшей книгой года, которую с увлечением читают не только дети, но и их родители.

Таинственные предсказания колдуньи Шебы — вот и все, что есть у Роуэна, чтобы спасти свой народ. Трудно доказать людям, что ты чего-то стоишь. Особенно если для всех ты слабак, который боится собственной тени. Но приходит час, и беда сама выбирает героя, который справится с ней: к всеобщему изумлению, только недотепа Роуэну оказываются по плечу все испытания. Чтобы спасти младшую сестренку, родную деревню Рин, свой народ и милое его сердцу стадо букшахов, Роуэн учится побеждать не только врагов, но в первую очередь свои страх и слабость.

- [Эмили Родда](#)
 -
 - [1. Послание](#)
 - [2. Кристалл водяного народа](#)
 - [3. Оракул](#)
 - [4. Путешествие](#)
 - [5. Опасность](#)
 - [6. Яд](#)
 - [7. Хранитель Кристалла](#)
 - [8. Кандидаты](#)
 - [9. Стихотворение Орина](#)
 - [10. На острове](#)
 - [11. В начале поисков](#)
 - [12. Тайная сторона острова](#)
 - [13. Серебристая глубина](#)
 - [14. Голодная лужа](#)
 - [15. План действий](#)
 - [16. Драчливая птица](#)
 - [17. Чудовище из страшных снов](#)
 - [18. Полная луна избрания](#)
 - [19. Капля яда](#)
 - [20. Предательство](#)
 - [21. Избрание](#)
 - [22. Ужас](#)
 - [23. Прощание](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Эмили Родда

«Роуэн и Хранитель Кристалла»

1. Послание

На тонком листе пергамента, от которого исходит запах рыбы, начертаны четыре темных и тусклых слова:

«Кристалл меркнет. Призываем Оракула».

В день, когда прибыл гонец, солнце мягко освещало долину Рина. Деревья в саду чуть заметно колыхались от легкого ветерка.

Роуэн пригнал букшахов на водопой и теперь, стоя на берегу, полной грудью вдыхал ароматный воздух и рассеянно глядел на снежную вершину Горы, возвышавшейся над долиной. Пели птицы, в траве стрекотали кузнечики, с полей доносились веселые голоса людей. И не умолкая монотонно журчала Река. Она струилась через деревню, а затем, петляя меж тихих зеленых холмов, устремлялась к Морю.

Роуэну казалось, что этот день ничем не отличается от других. Однако гонец уже был близко. Сперва он походил на синюю сияющую точку на горизонте. А теперь еще чуть-чуть, и из деревни будет видно, как он — то бегом, то переходя на шаг — пробирается среди холмов, следуя прихотливым изгибам Реки. И вот уже перепончатые руки чужестранца нащупывают спрятанный под плащом драгоценный лист пергамента.

Через минуту-другую на площади зазвенит колокол: «Прибыл гонец! Все сюда!» И с этого дня жизнь Роуэна изменится бесповоротно — больше никогда она не будет такой, как прежде.

Роуэн приподнялся на цыпочки, чтобы через головы столпившихся людей лучше разглядеть гонца. Заслышав колокол, он, как и все, бросил свои дела и помчался на площадь. Теперь он смотрел, как Ланн, старейшая жительница Рина, принимает пергамент из рук полумертвого от усталости гонца и вслух читает послание.

Всего четыре слова:

«Кристалл меркнет. Призываем Оракула».

Когда позже Роуэн вспоминал это событие, ему казалось, что все происходило словно во сне. Громкий голос Ланн над притихшей площадью. Пергамент в ее морщинистой руке. Блики полуденного солнца в тени деревьев. Удивленный гул толпы.

Легкий ароматный ветерок веял над долиной Рина. Кругом стояли люди, которых Роуэн знал с рождения. И птицы, как обычно, пели в ветвях деревьев. Роуэн не ощутил ни скрытой тревоги, ни предчувствия опасности. Наоборот, ему было любопытно и он радовался, что неожиданное происшествие прервет монотонную череду дней. Станный гость проделал долгий путь с побережья — из страны водяного народа — и принес такое загадочное

послание.

«Кристалл меркнет...»

— Как ты думаешь, что это значит? — шепотом спросил Роуэн у своей матери, Джиллер, стоявшей у него за спиной.

Джиллер ничего не ответила. Роуэн обернулся, собираясь повторить вопрос, но слова замерли у него на губах. Джиллер, как всегда, держалась очень прямо, но лицо ее было мертвенно-бледным, и она не отрываясь смотрела на пергамент в руках у Ланн. Стоявший позади нее садовник, которого все в деревне называли Силачом Джоном, положил ей руку на плечо. Вид у него был самый мрачный.

Вот тут-то Роуэн понял, что послание чрезвычайно важное, но все равно ему и в голову не приходило, что оно может как-то касаться и его самого.

Не в силах совладать с любопытством, мальчик еще раз посмотрел на гонца — тот в изнеможении лежал на камнях, которыми была вымощена площадь. Только теперь Роуэн впервые по-настоящему разглядел водяного человека. О водяном народе он много слышал от односельчан, побывавших на побережье, и часто разглядывал в Книжном Доме картинки из жизни этих людей. Однако его удивление было до того сильным, что он глаз не мог отвести от гонца, хотя и знал, что это неприлично.

Водяной человек был облачен в длинное, до пят, плотное одеяние голубого цвета, которое блестело на солнце. Войдя в деревню, гонец откинул капюшон и снял перчатки, обнажив иссиня-бледную безволосую голову и маленькие перепончатые руки. Рот у него был широкий, а глаза неподвижные и как будто стеклянные.

Задышавшись, он лежал у ног Ланн. Она склонилась к нему, тяжело опираясь на палку.

— Как тебя зовут, водяной человек? — чуть резко спросила она.

— Жемчужник из рода панделлисов.

— Жемчужник, давно ли ты покинул берег?

— Четыре солнца назад, — тихим срывающимся голосом произнес гонец и прижал к горлу ладонь, словно ему было больно говорить.

В толпе раздались удивленные возгласы. Жители Рина на путешествие от деревни до побережья тратили не меньше недели. Должно быть, гонец всю дорогу бежал без отдыха и сна. Неудивительно, что он валится с ног от усталости. В Рине ценили такую выносливость.

— Ты хорошо постарался, Жемчужник из рода панделлисов, — сказала Ланн.

— Опасность велика, — прохрипел водяной человек. — Оракул...

— Оракул услышал призыв и последует ему, — спокойно ответила Ланн. — Опасность была всегда. Но все триста лет мы отвечаем на призывы и делаем правильный выбор. Оракул и перворожденный отправятся в путь на закате.

У Роуэна забило сердце. «Опасность! Страшная опасность грозит кому-то из Рина! Но почему? И что все это значит? Кто такой Оракул? И кого он должен выбрать?»

Жемчужник покачал головой:

— Нет-нет, гораздо раньше. Дорог каждый час, каждая минута!

Его рот искривился от боли.

— Ты слишком долго шел под солнцем и под луной. Тебе надо отдохнуть и полежать в воде. Иначе ты умрешь, Жемчужник, — сказала Ланн.

— Это не важно. — Водяной человек облизнул пересохшие губы. — Одна жизнь ничего не стоит.

— Так у вас говорят, но мы с этим не согласны, — твердо сказала Ланн. — К тому же

наши люди должны собраться в дорогу. Оракул отправится в путь на закате. — Тут она возвысила голос: — Хорошо?

На мгновение воцарилась тишина. Роуэн с любопытством взглянул на Ланн. Она пристально смотрела на кого-то в толпе. На кого-то, кто стоял рядом с Роуэном.

Он оглянулся, чтобы понять, кто это. Остальные дети и большинство взрослых сделали то же самое. Но не все. Некоторые определенно понимали, о ком идет речь.

«Они знают, — подумал он, — Они знают!»

— Хорошо? — повторила Ланн. — Оракул согласен?

Толпа зашевелилась, и кто-то выступил на середину площади.

— Да, — раздался тихий голос. — Мы отправимся в путь на закате.

Водяной человек пристально посмотрел на говорившего. Затем он склонил голову, коснувшись лбом земли.

— Приветствую тебя от имени Хранителя Кристалла, Оракул из Рина, — проговорил он. — Судьба водяного народа в твоих руках. Я, твой верный раб, у твоих ног. Жизнь моя в твоей власти.

Роуэн раскрыл от изумления рот. Он не верил своим глазам.

«Быть того не может! Я бы обязательно знал. Это ошибка!» Мысли судорожно бились у него в голове.

Но это была не ошибка.

Оракул, которого почтительно приветствовал обессиленный водяной человек, Оракул, которому грозила страшная опасность, Оракул, стоявший сейчас в центре площади, — это была Джиллер, мама Роуэна.

2. Кристалл водяного народа

— Объясни, что все это значит? — Роуэн схватил Джиллер за руку, но она только нахмурилась и, не сказав ни слова, быстро зашагала домой.

— Обожди, — прошептал ему Силач Джон и выразительно кивнул на шумную толпу. — Потерпи, мама обо всем тебе расскажет, когда мы останемся одни.

Джон, как всегда, говорил спокойно, но было видно, что он потрясен.

Джон и Джиллер прибавили шагу, а перед ними вприпрыжку неслась Аннад, младшая сестра Роуэна. Аннад мало что поняла из произошедшего на площади, ведь она все время перешептывалась с подружками и то и дело украдкой посматривала на странного водяного человека. Где уж тут обратить внимание на что-нибудь еще!

Роуэн плелся позади, оглушенный вопросами и страшными догадками.

Он понял лишь то, что его маме придется отправиться в страну водяного народа. И что он, ее старший ребенок, перворожденный, должен ее сопровождать. А в конце пути их поджидает страшная опасность.

Но что это за опасность? И почему они вообще должны пускаться в путь? Роуэн попытался припомнить, что он слышал о Водяной стране. Учитель Тимон часто рассказывал детям о землях на побережье. О морских змеях, о бурях и сражениях. И немного об истории водяного народа.

Внезапно Роуэн вспомнил, как однажды теплым летним днем дети сидели под Школьным Деревом и Тимон показывал им книгу с картинками.

В книге были изображены водяные люди. На первый взгляд они почти ничем не отличались от жителей Рина, разве что были необычно одеты. Одни в одежды серебристого цвета, другие — голубого, третьи — зеленого.

— Водяной народ — очень скрытные люди, — говорил Тимон. — Они охотно торгуют и с нами, и с заморскими землями, но своих мыслей чужестранцам не открывают. И знаем мы о них совсем немного... Но кое-что нам все-таки известно. Водяные люди делятся на три племени, или рода. Это серебристый род умбров, зеленый род фисков и голубой род панделлисов. В древние времена эти три рода враждовали не на жизнь, а на смерть. Говорят, что Море каждую ночь бурлило от пролитой крови и змеи объедались мясом убитых водяных людей.

Но тысячу лет назад все племена признали власть одного правителя — Хранителя Кристалла. Первого Хранителя звали Орин Мудрый. Именно он в глубокой подводной пещере однажды нашел Кристалл — таинственное сокровище, сила которого ни с чем не соизмерима.

В тот день глаза у Роуэна слипались. Накануне ночью он проснулся от кошмарного сна и потом долго не мог заснуть. В полудреме он сидел под Школьным Деревом и рассеянно слушал учителя.

— Роуэн, пастух букшахов, повтори, что я сказал.

Роуэн так и подскочил от внезапно прозвучавших слов Тимона.

— Ну, э-э, у них есть три рода, — запинаясь, проговорил Роуэн и густо покраснел. — Их правитель — Хранитель Кристалла.

Остальные дети переглянулись и захихикали. Они знали, до чего Роуэн застенчив. Обычно он очень старался и внимательно слушал учителя. Тем забавнее было смотреть, как

его застали врасплох.

Тимон строго взглянул на них и продолжил рассказ:

— Очень хорошо. В прежние времена был еще один, четвертый род — род миррилов. Люди из этого рода знали толк в ядах. Они придумали тысячу и один смертельный яд, а для каждого яда — особое противоядие. Но триста лет назад воинственные люди из страны Зиба вторглись на побережье и уничтожили этот род до последнего человека.

Тимон снова пристально посмотрел на Роуэна:

— Роуэн, а что еще произошло триста лет назад?

— Наши предки пришли сюда и основали Рин, — тихо ответил Роуэн.

Тимон кивнул:

— Верно. Зибаки много раз пытались захватить побережье. И три столетия назад они привезли с собой поработанных воинов, которых приковали к веслам на кораблях. Этими рабами были наши предки... — Лицо Тимона было очень серьезным. — В то утро, когда зибаки высадились на побережье, все водяные люди собрались вместе — каждый род в особом доме. Они не выставили часовых. Никто из них не подозревал, что враги совсем рядом. Зибаки подкрались к дому рода миррилов и бросили внутрь дома сосуд с зажигательной смесью. Раздался страшный грохот. Стена пламени поднялась в небо. Здание обрушилось и сгорело. Миррилы погибли все до единого. Из этого рода в живых не осталось ни одного человека: ни мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Теперь дети тихо сидели под Школьным Деревом и внимательно слушали Тимона. Они знали, как страшен огонь.

— Наши предки все это видели, — продолжил Тимон. — Они видели, как зибаки хохочут, глядя на бушующее пламя. И от ужаса они сделали то, на что не отваживались прежде: они восстали против зибаков. Они разбили оковы и вступили в бой на стороне водяного народа. Вместе мы одержали победу. Это величайший день в нашей истории.

Затем Тимон повел себя довольно странно. Он закрыл книгу и сделал шаг вперед. И внезапно Роуэну показалось, что учитель обращается к нему одному.

— Мы никогда не забудем, — медленно проговорил Тимон, пристально глядя на Роуэна, — что с тех пор мы спокойно живем благодаря водяным людям, ведь это они охраняют побережье. Иначе зибаки давно бы покорили нас вновь. Зибаки не оставляют надежды захватить наши земли, и с каждым разом их козни становятся все хитроумнее. Мы ни в коем случае не должны ссориться с водяным народом. Чего бы нам это ни стоило.

Затем урок закончился. И Роуэн решил, что довольно глупо считать, будто Тимон обращался именно к нему. Почему вдруг эта история может касаться его сильнее, чем других ребят?

Но теперь, когда в ушах Роуэна все еще звучало таинственное послание, он уже думал иначе.

«В тот день Тимон обращался именно ко мне, — решил Роуэн, и сердце его забило сильнее. — Он знал, что рано или поздно придет это послание. Тимон предупреждал меня, чтобы я был готов выполнить свой долг. Но что я должен буду делать? Все это как-то связано с Кристаллом — легендарным Кристаллом водяного народа».

«Кристалл меркнет. Призываем Оракула».

— За пределами Водяной страны мало кто догадывается о подлинном могуществе Кристалла, — однажды сказал Тимон.

В тот раз он тоже посмотрел на Роуэна.

Роуэн замедлил шаг. «Да, все дело в Кристалле. Говорил ли о нем Тимон что-нибудь еще?»

Совсем немного. Но он говорил об этом очень серьезно, как о чем-то чрезвычайно важном:

— Водяные люди живут долго. Гораздо дольше, чем мы. Из-за силы Кристалла век его Хранителя еще длиннее. Но рано или поздно всякий Хранитель понимает, что смерть уже близка. И на его место следует избрать нового Хранителя. Чтобы Кристалл не потерял свою силу, он должен обрести этого нового Хранителя прежде, чем умрет старый.

«Кристалл меркнет...»

У Роуэна перехватило дыхание. Внезапно он понял, о чем говорилось в послании. Далеко, в землях водяного народа, умирает Хранитель Кристалла. И надо избрать нового Хранителя.

«Но почему послание пришло к Джиллер? Почему гонец назвал ее Оракулом? Как она, обычная женщина из Рина, может быть связана с Кристаллом из Водяной страны?»

Роуэн поднял голову и увидел, что Джиллер и Силач Джон поджидают его в начале тропинки, ведущей на поле и в сад. Аннад уже распахнула ворота и понеслась к дому.

Роуэн прибавил шаг.

— Роуэн, иди домой, — тихо велела Джиллер. — Собирайся в дорогу. Возьми теплые вещи — на побережье прохладно. А затем сходи на пастбище и приведи Звездочку. Она повезет наши припасы.

Но Роуэн не торопился выполнять ее распоряжения.

— Не тяни время, — раздраженно сказала мама. — Мы отправляемся на закате.

— Ну пожалуйста, объясни, почему мы должны туда идти? — не трогаясь с места, попросил Роуэн. — И как ты можешь быть этим... Оракулом?

— Джиллер, надо все рассказать Роуэну, — настойчиво проговорил Силач Джон. — Нет смысла откладывать на потом.

Джиллер вздохнула. Она прикрыла ворота и посмотрела на волнующееся поле, которое раскинулось перед ней, словно зеленое море.

— Я Оракул по рождению, — наконец сказала она. — Эта обязанность в нашей семье передается из поколения в поколение сотни лет.

— В нашей семье? — Роуэн решил, что ослышался. — Но почему? И почему я не знал об этом прежде? А Ланн знала! И Джон. И Тимон. Многие знали! — Роуэн безуспешно пытался успокоиться. — Почему мне об этом никто ничего не рассказывал? — сердито спросил он.

— Водяные люди предпочитают, чтобы об этом поменьше болтали, — ответил ему Силач Джон и положил руку мальчику на плечо.

— Наверно, я должна была рассказать тебе об этом прежде, — сказала Джиллер, все еще глядя прямо перед собой. — Но я не хотела понапрасну тебя волновать. Ведь ты, Роуэн, всегда был таким... впечатлительным.

Роуэн вздрогнул как от удара. Он слишком хорошо понимал, что, будь он сильнее и храбрее, мама уже давным-давно раскрыла бы ему тайну.

Похоже, Джиллер прочла его мысли. Она взглянула на него и коснулась его руки.

— Я хотела как можно дольше оберегать тебя от этого, — прошептала она. — Только и всего.

— Но теперь пришло время рассказать все как есть, — заметил Силач Джон. — Теперь

Роуэн должен узнать всю историю от начала до конца.

3. Оракул

Вот так, прогуливаясь в саду под деревьями, Роуэн наконец узнал тайну, которую столько лет скрывала от него мама.

День, когда на побережье высадилось войско змбаков, — тот самый день, который учитель Тимон назвал величайшим днем в истории Рина, — был выбран не случайно. Змбацкие шпионы разведали, что Кристалл меркнет, Хранитель умирает и вот-вот начнется избрание нового Хранителя.

Змбаки понимали, что это самое подходящее время для нападения. И не только потому, что соперничающие роды водяных людей плели интриги друг против друга в надежде, что именно их ставленник станет новым Хранителем, но и потому, что в такое время Кристалл слабеет и сила его крепнет лишь с избранием нового Хранителя.

Вдобавок змбакам было известно, что Хранителя избирают по особым правилам, которые установил сам Орин Мудрый. Орин не сомневался, что после его смерти вспыхнет вражда и каждый род будет стоять до последнего. И он боялся, что в ходе борьбы Кристалл утратит свою силу.

Тогда Орин придумал совсем простые правила. Претенденты собираются на уединенном острове, в гавани, и там состязаются друг с другом. Они не сражаются, ведь водяные люди невысоко ценят силу мышц, — испытания должны выявить самого умного и сообразительного. Выбор совершает особый человек — Оракул. В конце испытаний он объявляет одного из участников испытания новым Хранителем Кристалла.

Орина не случайно прозвали Мудрым: он отлично знал характер своих соплеменников и понимал, что Оракулом может стать лишь тот, кому безоговорочно доверяют все остальные. Поэтому он постановил, что Оракулом всегда будет человек из его собственного рода — рода миррилов. Это большая честь. Но зато ни один человек из этого рода больше никогда не сможет претендовать на то, чтобы стать Хранителем Кристалла.

Оракул всегда выбирает из троих кандидатов: по одному от каждого рода. Таким образом, родичи Оракула от его выбора не выигрывают и не проигрывают, и он может выбирать беспристрастно.

Люди приняли правила Орина и следовали им на протяжении сотен лет — пока не случилось то, чего не мог предвидеть даже сам Орин.

Змбаки напали на водяной народ, когда старый Хранитель был при смерти. И в первую очередь они уничтожили род миррилов.

Это произошло не случайно. И вовсе не потому, что дом этого рода стоял ближе других к берегу. Змбаки специально хотели уничтожить род Оракула и тем самым помешать избранию нового Хранителя. Тогда Кристалл померкнет навсегда, и водяной народ будет завоеван.

Их замысел едва не увенчался успехом, ведь они истребили род миррилов и больше никому было совершать избрание. Дело в том, что даже в разгар решающего сражения, перед лицом смертельной опасности, соперничающие роды не могли договориться между собой и не соглашались доверить право выбора самому Хранителю, а тот умирал и был не в силах покинуть пещеру.

Змбаки не предусмотрели одного: Кристалл хотя и померк, все равно воплощал в себе мудрость столетий, поэтому Хранитель, наделенный хитроумием самого Орина, даже на

смертном одре сохранял ясную голову.

И Хранитель придумал, какого Оракула признают все три рода. Он обратился к чужестранцам — поработанным воинам, которые восстали против зибаков и теперь сражались бок о бок с водяным народом. С помощью Кристалла Хранитель выбрал Оракула. Им стал человек по имени Лит, далекий предок Джиллер и Роуэна.

— В самый разгар битвы Лит отправился на остров и избрал нового Хранителя, — сказала Джиллер. — И Кристалл вновь засиял ярким светом. Отец говорил мне, что в момент избрания нового Хранителя Кристалл исполняется наивысшей силы. Так и произошло. В мгновение ока ход битвы переменялся. Зибакки были разбиты и бежали. Земля водяного народа была спасена, а наши предки освободились от рабства и начали новую, свободную жизнь.

— Все это было очень давно, — заметил Роуэн.

— Да, — кивнула Джиллер. — Но в тот день Лит принял удел Оракула, и эта обязанность до сих пор лежит на нашей семье.

— Это большая честь, — тихо сказал Силач Джон.

— Большая честь и в то же время страшное проклятие, — неохотно вымолвила Джиллер.

— Но почему? — не выдержал Роуэн. — Почему проклятие?

Джиллер изо всех сил вцепилась руками в дверную щеколду.

— Потому что Оракулу грозит страшная опасность, — прошептала она. — Смертельная. — Внезапно она обернулась и посмотрела Роуэну в глаза. — Роуэн, я готова на все, лишь бы тебя уберечь, но это от меня не зависит. Я должна тебя взять с собой. И если я погибну, ты займешь мое место. Собери все свое мужество. Будь готов к тому, что останешься один.

Она резко отвернулась и бросилась в дом.

Роуэн поспешил за ней. Он ничего не понимал и чуть не умирал от страха.

— Но почему? — выкрикнул он. — Скажи, почему нам грозит опасность? Из-за зибаков? Они знают, что Кристалл ослабел, и в это время нападут на побережье?

— Нет! — резко ответила Джиллер. Глаза ее сверкали.

Роуэн попятился назад. Никогда прежде его спокойная и бесстрашная мама не вела себя подобным образом.

— Джиллер, давай присядем. — Силач Джон подошел к ней поближе. — Поедим, и ты спокойно ответишь Роуэну на все его вопросы.

— У нас так мало времени, — нервно сжимая руки, проговорила Джиллер, но затем неожиданно уступила ему и понуро уселась за стол. — Ты прав, — мягко сказала она. — Я сама во всем виновата. Я столько лет в одиночку несла бремя тайны, что теперь, когда пробил час, мне просто трудно говорить. В свое время мой отец сказал мне то же самое.

— Дедушка избирал Хранителя?

Помедлив, Роуэн сел рядом с мамой. Дедушка умер, когда Роуэн был совсем маленьким, но он запомнил его широкую добродушную улыбку, голубые глаза и руки — сильные и загрубевшие от работы в поле. И еще сохранились зверюшки, которых дедушка вырезал из дерева.

Джиллер покачала головой:

— Нет, моему отцу посчастливилось. Теперешний Хранитель был избран его матерью, моей бабушкой. Но отец понимал, что на моем веку Кристалл скорее всего померкнет. И это

его безмерно печалило.

Силач Джон положил на стол хлеб, молоко и сыр.

— Поешь, Джиллер, — сказал он. — И ты, Роуэн. Вам понадобятся силы.

Они приступили к еде. «Джон прав, — подумал Роуэн. — Когда поешь, становится легче». Роуэн и не подозревал, до чего он проголодался.

— Значит, Оракулом быть опасно, — как можно спокойнее проговорил он. — Но почему?

— Потому что водяные люди ничуть не изменились, — мрачно ответил Силач Джон. — Соперничество между родами доходит до безумия. — Он положил ладонь на руку Джиллер. — Доскажи ему остальное.

Джиллер нехотя повиновалась:

— Когда Хранитель становится старым, каждый род начинает готовиться к новому избранию. В каждом роде есть особые кандидаты, которых с детства специально обучают и тренируют к испытаниям. И люди из каждого рода готовы пойти на все, лишь бы победил их кандидат. Они будут шпионить, лгать и лицемерить. Они не остановятся даже перед убийством, если заподозрят, что Оракул склоняется не в их пользу. — Джиллер нервно крошила хлеб, глядя в тарелку невидящими глазами. — Многие из нашей семьи погибли в стране водяного народа. Последним был мой прадед. Его тело лежало в пещере Хранителя, а моей бабушке пришлось превозмочь отчаяние и страх и заступить на его место. Ей было всего пятнадцать лет, но она вела себя достойно.

При этих словах Роуэну стало так горько, что у него заболел живот. Но он не произнес ни слова.

— Она знала, что ей угрожает, — продолжала Джиллер, — ведь и в прежние времена многие из нашей семьи погибали от рук кандидатов или их сородичей. Да, слишком часто избрание приносит Оракулу смерть. Предательский удар кинжалом в спину — и тело бросают в Море на съедение змеям.

Роуэн в ужасе посмотрел на маму:

— Но... это же безумие!

— А я что говорю? Безумие, — эхом отозвался Силач Джон. — И это безумие длится сотни лет.

— Так уж заведено у водяных людей, — вздохнула Джиллер. — Тут бессмысленно спорить. Тем более что вражда разгорается лишь в то время, когда меркнет Кристалл. Но как только избран новый Хранитель, все три рода снова объединяются и дают ему клятву верности и беспрекословного повиновения.

«Так было всегда...»

Роуэн глубоко вздохнул.

— А если убьют нас обоих, — как бы невзначай спросил он, — тогда Аннад?..

— Нет, — устало улыбнулась Джиллер. — Я радуюсь только тому, что Аннад еще слишком мала, чтобы стать Оракулом. Если, Роуэн, нас с тобой убьют, будет призван другой человек — Тимон. Ведь его семья — следующая по старшинству в роде Оракулов.

«Тимон... Вот почему он говорил о Кристалле так печально».

Силач Джон отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Ну вот, — сказал он, — поели, все обсудили, а теперь за дело. Надо поторапливаться, раз на закате мы отправляемся в путь.

— Мы? — Джиллер посмотрела на него с удивлением. — Джон, но ведь ты с нами не

пойдешь.

— Конечно пойду. Неужели ты думаешь, что я отпущу вас с Роуэном одних?

Джиллер покачала головой:

— Джон, это мой долг. И долг Роуэна. Тебе незачем рисковать в таком опасном деле. Абсолютно незачем.

— Это не так, — мягко возразил Силач Джон. — Ты отлично понимаешь, что если бы отец Роуэна был жив, он обязательно отправился бы вместе с вами. Хотя бы для того, чтобы побыть вместе с Роуэном, пока ты будешь заниматься избранием. Позволь мне сделать то же самое.

— Мы ведь только помолвлены и еще не успели пожениться. А теперь, быть может... — Голос Джиллер задрожал, и она отвернулась.

У Роуэна перехватило дыхание.

— Не надо так говорить, — сурово сказал Силач Джон. — Все будет хорошо. Вы с Роуэном можете ни о чем не беспокоиться. Я обо всем позабочусь.

Слова звучали обнадеживающе, но Роуэн понимал, что как бы Силач Джон ни старался, он не сможет уберечь их от того, что им суждено. Да и никому это не по силам.

В голове у него прозвучали мамины слова: «Собери все свое мужество. Будь готов к тому, что останешься один».

4. Путешествие

На закате они отправились в путь. Никто их не провожал. Лишь учитель Тимон да старая Ланн поджидали их на краю Рина, чтобы пожелать счастливого пути.

Аннад осталась жить с ткачихой Марли. С ней девочке будет хорошо. Аннад чуть не лопалась от гордости, оттого что ей вместо Роуэна доверили пасти букшахов.

— А если... — на прощание прошептала Джиллер на ухо Марли, — если мы с Роуэном не вернемся...

— Я буду заботиться об Аннад как о собственной дочери, — быстро ответила Марли. — Не тревожься об этом. Но, Джиллер, вы вернетесь. Обязательно вернетесь.

Прощаясь, старая Ланн повторила те же слова.

— Вы вернетесь, — сказала она, и ни тени сомнения не отразилось на ее сморщенном лице. — Хотя кто-то из вас. Водяные люди запоздали с посланием. Гонец сказал мне, что Хранитель уже при смерти. У них попросту не будет времени привести из Рина еще одного Оракула. Так что Тимон может спать спокойно.

— Дело не в этом, — потупился Тимон. — Если бы я мог, то по собственной воле отправился бы сейчас вместо Джиллер. Но пока она и Роуэн живы, водяные люди не признают меня Оракулом.

Ланн взглянула на Жемчужника, нетерпеливо поджидавшего их на берегу Реки.

— Да, теперь водяные люди не те, что прежде, — тихо произнесла она. — Они связаны правилами по рукам и ногам. Упорно следуют старым обычаям и не признают ничего нового. Хранители оберегают Кристалл, но не используют его, как в былые времена. Они боятся всего нового. Не хотят ничего менять. А ведь зибак с каждым годом становятся все хитроумнее и изобретательнее. — Ланн нахмурилась. — Я заклинаю тебя, Джиллер, и тебя, Роуэн, пастух букшахов, если право выбора перейдет к тебе: выбирайте смело и мудро.

— Постараюсь, — тихо сказала Джиллер.

Роуэн только кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Ланн придвинулась к ним поближе.

— И будьте настороже, — резким шепотом добавила она. — Следите за каждым своим словом и не обнаруживайте своих мыслей и чувств. Водяные проныры глаз с вас спускать не будут. А теперь идите. С вами наши мысли и надежды.

Как всякий ребенок, выросший в Рине, Роуэн с детства мечтал побывать на побережье. Ему ужасно хотелось увидеть бескрайние морские просторы.

Роуэн представлял себе загадочных водяных людей, их бледные лица. Вот на рассвете флотилии лодок выходят в Море. В полуденный зной водяные люди, словно рыбы, плещутся в синих морских волнах, а на закате, сидя на берегу, чинят порванные сети. Находясь в уютной зеленой долине, он с приятным холодком думал о морских змеях. Огромные извивающиеся кольца блестят в лунном свете. Капли яда сочатся из страшной разинутой пасти. Великий Змей выползает на охоту...

Роуэн слышал так много историй о Море и столько раз рассматривал его на картинках, что ему нестерпимо хотелось увидеть все своими глазами. Он надеялся, что однажды вместе с односельчанами отправится в торговое путешествие на побережье. Каждый год люди из Рина запрягали букшахов в повозки, груженные овощами, фруктами, сыром, шерстью и другим товаром, и веселый караван отправлялся в путь.

Роуэн всегда прибегал его проводить. А несколько недель спустя, стоя в толпе, приветствовал его возвращение.

Если торговля шла хорошо, повозки были заполнены связками сушеной рыбы, кувшинами с рыбьим жиром и коробами с солью.

Путешественники привозили удивительные резные украшения из дерева диковинных пород, принесенного Морем из дальних стран; маленькое твердое печенье с каким-то особенным морским вкусом; пояса, блестящие от рыбьей чешуи, и сверкающие ожерелья из раковин с вкраплением крошечных жемчужин.

Роуэн с завистью прислушивался к рассказам о далеких землях.

«В один прекрасный день, — говорил он сам себе, — я вырасту и у меня хватит сил на долгое путешествие. В один прекрасный день...»

Этот день пришел гораздо раньше, чем того ожидал Роуэн. Но не с радостью, а со страхом смотрел он теперь в лицо грядущему.

Минуло несколько дней и ночей. Путешествие было трудным, ведь идти приходилось по ночам.

В кромешной тьме, запинаясь о камни, они двигались по берегу Реки в сторону Моря. Путники выбились из сил. И хотя днем они отдыхали, им было трудно по-настоящему выспаться при ярком солнечном свете.

По ночам они шли из-за Жемчужника. Вдали от влажного морского воздуха его нежная кожа высохла и начала трескаться. Равнинное солнце, нежаркое в это время года, его обжигало.

Однако Жемчужник не благодарил спутников за заботу, а, напротив, настаивал на том, что его не надо беречь, и утверждал, что время дороже. Но после трех ночных переходов у него не осталось сил спорить. И тогда он вообще перестал говорить.

По ночам он бесшумно шел по траве впереди всех. Его голубое одеяние блестело в лунном свете. Днем, пока остальные спали на берегу, он отмокал в Реке.

В один из дней, когда путешествие уже приближалось к концу, Роуэн очнулся от тревожного сна и увидел, что Жемчужник вышел из воды и сидит на траве.

Тени были по-вечернему длинными. Скоро настанет время ужинать и снова пускаться в путь. Но Джиллер и Джон пока еще спали. Звездочка и та дремала. Следуя внезапному порыву, Роуэн встал и подошел к водяному человеку.

Жемчужник внимательно посмотрел на него. В его плоских глазах не было ни приветливости, ни удивления.

Роуэн хотел было заговорить с Жемчужником и расспросить его о водяном народе, но теперь не знал, с чего начать. Он молча уставился на гонца и думал только о его странной внешности и неизменно сопутствующем ему рыбном запахе.

— Хорошо ли ты спал, перворожденный сын Оракула? — вежливо спросил Жемчужник.

— Спасибо, хорошо, — соврал Роуэн. — А ты?

Жемчужник пожал плечами, и его тонкие губы искривились наподобие улыбки.

— К утру я буду дома, — просто ответил он, затем посмотрел на небо. — Пора будить Оракула, — добавил он.

Очевидно, ему хотелось, чтобы Роуэн оставил его в покое.

Роуэн прикусил губу.

— Жемчужник, расскажи мне о Кристалле, — быстро проговорил он.

Жемчужник посмотрел на него с изумлением:

— Я всего лишь посланник Хранителя. Я не знаю тайны Кристалла.

— Я говорю не о тайнах, — умоляюще произнес Роуэн. — Расскажи о том, про что в вашей стране знают все. Даже мы в Рине кое-что об этом слышали. Мне известно, что много лет назад человек по имени Орин Мудрый нашел Кристалл. Но где он его нашел и как это случилось? Пожалуйста, расскажи мне об этом.

Жемчужник призадумался и наконец кивнул.

— Я расскажу тебе то, что знаю. Однажды на закате Орин отправился ловить рыбу, — начал он, рассеянно глядя на Реку. — Я бы сказал, он поступил очень опрометчиво: обычно рыбу по ночам не ловят. Стояла полная луна, и из темных водных глубин появился Великий Змей, прародитель всех морских змеев. Он перевернул лодку Орина, но тот сумел добраться до острова.

У Роуэна по спине побежали мурашки. В Книжном Доме он видел картинку, на которой был изображен Великий Змей. От одного взгляда на нее Роуэну становилось не по себе. Там было нарисовано покрытое чешуей исполинское чудовище со змеиным туловищем и головой дракона. Оно высывалось из воды и кошмарными челюстями сокрушало лодку, набитую вопящими водяными людьми.

Жемчужник едва заметно улыбнулся и продолжил рассказ:

— Не помня себя от страха, Орин спрятался в пещере, а оттуда по узкому туннелю спустился глубоко под Море. И там, в совсем маленьком гроте, он обнаружил Кристалл. Едва Орин к нему прикоснулся, Кристалл засиял ярким радужным светом. Орин всю ночь провел в этом гроте, а наутро вынес Кристалл на берег.

Люди сразу поняли, что это чудесный Кристалл, хотя в те времена никто из них не догадывался о его подлинной силе. Оказалось, что Кристалл сияет лишь для Орина. Вскоре все заметили, что Орин сильно изменился. Внезапно он стал видеть то, что скрыто от человеческих глаз. Он мог сказать, в каком месте на большой глубине плывет косяк рыб. Знал, где скрываются змеи. Заранее предупреждал о надвигающемся урагане. Он даже научился читать в сердцах людей.

И еще одна перемена произошла с Орином. Прежде он был исполнен вражды к другим племенам. Но теперь, когда сородичи потребовали, чтобы он обратил свое новообретенное могущество против соперников, он этого не сделал. Наоборот, постарался употребить силу Кристалла на благо всем людям.

— И так он стал предводителем водяного народа и первым Хранителем Кристалла, — выпалил Роуэн.

— Да, — сказал Жемчужник. — И с тех пор все стали ему повиноваться. Люди прекратили вражду и занялись мирными делами. С этого времени началось процветание нашего народа. Следующие Хранители во всем следовали заветам Орина. Их избирали по правилам, которые он установил. И Кристалл...

— Да, — нетерпеливо сказал Роуэн, — что с Кристаллом?

— Время шло, и постепенно стало понятно, что Кристалл гораздо могущественнее, чем думал Орин. — Жемчужник чуть помедлил, но потом продолжил свой рассказ, тщательно подбирая слова: — Кристалл не только дает силу. Он также собирает и хранит в себе всю мудрость водяного народа. Когда умирает старый Хранитель, все его знания и весь его опыт остаются в Кристалле. И через него передаются следующему Хранителю. Ничто не

пропадает и не забывается.

— Значит, каждый следующий Хранитель мудрей предыдущего? — изумился Роуэн. — Мудрей и могущественней!

— Говорят, что да.

— Тогда понятно, почему быть Хранителем — такая огромная честь, — сказал Роуэн. — Должно быть, каждый водяной человек мечтает попасть в число кандидатов.

— Нет, — тихо ответил Жемчужник. — Вовсе не каждый. Мне бы этого совсем не хотелось.

И затем, словно почувствовав, что сказал слишком много, он легко вскочил на ноги и пошел прочь.

Роуэн посмотрел на Реку. Бурля, она несла свои воды к Морю, увлекая обломки веток, листики и прочий мусор.

«Завтра, — подумал Роуэн, — мы будем там, где Река встречается с Морем. Завтра мы придем в страну водяного народа».

5. Опасность

Резкий соленый ветер обжигал лицо. Роуэн замерз и от усталости едва держался на ногах. Запустив руку в мохнатую гриву Звездочки, он слезящимися глазами смотрел на бескрайнее Море.

Звездочка протяжно замычала и повернула голову. Ей тоже было не по себе: не хватало ароматного воздуха долины и мягкой сочной травы на лугу.

Не нравился ей и пронизывающий ветер, и всепроникающий запах рыбы. От соленых брызг щипало в глазах. Копыта увязали в песке и скользили на камнях. Она настороженно смотрела на странных людей, глазевших на нее, пока они шли по улицам. Не приглянулся Звездочке и отведенный ей мрачный хлев.

— Отдохни, Звездочка, и тебе сразу станет легче, — прошептал Роуэн ей в ухо. — Да и нам тоже.

Он говорил это скорее не ей, а самому себе.

Тем временем ветер усиливался. Звездочка переступила с ноги на ногу, а затем отошла вглубь хлева, прячась от свистящего ветра и жалящих песчинок.

— Мне пора, меня ждет Джон, — сказал Роуэн. — Но я скоро вернусь.

Звездочка недовольно фыркнула.

— Вот вода, а вот здесь кормушка. Поешь, а потом спи, — велел он. — Когда спишь, время идет быстрее.

Роуэн потрепал Звездочку по холке и вышел из хлева. Он надеялся, что сумел подбодрить ее: ему ужасно не хотелось оставлять Звездочку в таком унылом месте, но больше поместить ее было негде.

«Во всяком случае, здесь она в безопасности», — подумал Роуэн и запер дверь. Из последних сил он побрел по вымощенной булыжником улице. Хлев выглядел надежным — как и все дома в городе, он был построен из тесаного камня. Разрушить такие стены не под силу даже тем страшным чудищам, которые по ночам выползают на охоту из Моря.

Так сказал Жемчужник. При этом он слегка улыбнулся. Водяные люди не привыкли к домашним животным, и Жемчужника забавляло, что Роуэн так печется о Звездочке, но напрямую об этом он из вежливости не говорил.

Роуэн посмотрел на мрачно горбившийся остров, поросший темным густым лесом и как будто изглоданный ветром и волнами. На скалистых берегах не было ни души, но Роуэн знал, что, вероятнее всего, мама уже там.

Маму увели к Хранителю, как только они прибыли в город, и с тех пор прошло уже немало времени. Жемчужник объяснил, что сперва она отправится в пещеру Хранителя, а затем на остров. Там она и пробудет до конца избрания.

Роуэн смотрел на сверкающее Море и темные очертания острова, но перед глазами у него было совсем другое. Он больше не видел ни берега, ни крутых улочек, ни странных круглых домов. Не замечал он и прохожих, посматривающих на него с любопытством.

Мысленно он вернулся в Рин и теперь стоял у водопоя, а рядом мычали и пофыркивали букшахи.

Мама работала в поле, Силач Джон — в саду. Все было тихо и мирно...

Чья-то рука коснулась плеча Роуэна, и он чуть не подпрыгнул от испуга. Обернувшись, мальчик встретился с немигающим взглядом Жемчужника.

— Почему ты стоишь здесь один, перворожденный сын Оракула? — спросил Жемчужник. — Ведь я оставил тебя в безопасном доме вместе с садовником Джоном.

— Я... я ходил проведать Звездочку, — запинаясь, промолвил Роуэн.

— До чего же странные люди жители Рина, — усмехнулся Жемчужник. — Мой друг, неужели тебе хочется, чтобы утром тебя нашли в канаве с кинжалом в сердце? Стоит ли ради животного рисковать жизнью?

— Жемчужник, я не понимаю, почему кто-то может захотеть меня убить, — возразил Роуэн. — Я ведь никого не обидел. И я ровным счетом ничего не знаю об избрании. Я даже не видел кандидатов. Если мне придется избирать, никто и предположить не сможет, кого я выберу.

Бледные глаза Жемчужника на мгновение затуманились, и он опять слегка улыбнулся.

— Ты мудрее, чем кажешься, Роуэн из Рина, — проговорил он. — Но все же ты не так мудр, как думаешь. Кандидаты тщательно изучают жизнь в Рине, и более всего их интересуют твоя семья и ты сам. Их наставники знают ход твоих мыслей. Они собирали сведения о тебе с тех пор, как ты появился на свет.

Несмотря на ледяной ветер, Роуэн покрылся испариной. До чего ужасно сознавать, что всю жизнь за тобой хладнокровно следят чужестранцы с оловянными глазами! Роуэн посмотрел на Жемчужника, и тот понял, что творится у мальчика на душе.

— Так уж заведено, — сказал водяной человек. — Хорошо, что ты теперь об этом знаешь. Пойдем в дом, там ты будешь в безопасности. И давай условимся, что отныне ты будешь находиться только там и не станешь гулять в одиночку.

Он взял Роуэна за руку и потянул за собой.

— Но я должен хотя бы дважды в день навещать Звездочку, — упрямо сказал Роуэн. — Ее надо кормить и поить. К тому же она напугана и ей очень одиноко.

— А ты сам разве не напуган? — удивленно спросил Жемчужник. Он пристально смотрел на Роуэна, словно буравил его взглядом, затем удовлетворенно кивнул. — Да, теперь я вижу. Ты тоже боишься, но пытаешься это скрыть. Так ведь принято у вас в Рине?

Роуэн ничего не ответил. Он пошел вперед, а Жемчужник почти вплотную следовал за ним. Попадавшие на пути люди, особенно те, кто был одет в серебристые и зеленые одеяния умбров и фисков, удивленно смотрели на них и перешептывались. Должно быть, они гадали, о чем Жемчужник говорит с Роуэном, и беспокоились, не использует ли он должность посланника Хранителя в свою пользу — не восхваляет ли он род панделлисов и своего кандидата, на случай если перворожденный станет Оракулом.

А Жемчужник тем временем тихо говорил:

— А ты не похож на остальных. На тех огромных шумных людей, что каждый год приезжают с нами торговать. Ты не похож и на свою мать, высокую, решительную... И глаза у тебя словно у человека, который увидел Великого Змея и остался в живых. Глубокие и исполненные знания. Очень необычно в твоем юном возрасте. Я знал лишь одного мальчика с таким взором.

Роуэн шел, смущенно глядя себе под ноги, и не знал, что сказать.

— Ты молчишь, — заметил Жемчужник, — и это хорошо. Пока ты молчишь, ты в безопасности. — Тут он остановился и указал на дом: — Вот твое убежище. В нем и оставайся. Скоро вам принесут поесть. Самую лучшую рыбу. Яйца киррианского червя — свежайшие. Их собрали в дюнах сегодня утром. Но я бы посоветовал тебе есть лишь то, что вы привезли с собой из Рина.

— Почему? — спросил Роуэн.

Жемчужник пожал плечами.

— Возможно, кое-что в наших кушаньях придется тебе не по нраву, — спокойно сказал он. — Можешь сообщить об этом своему другу Джону. Если, конечно, его жизнь так же дорога тебе, как своя собственная.

Он поклонился и, словно голубая тень, скользнул в узкий проход между домами.

Роуэн подошел к небольшому строению, предназначенному для них с Силачом Джоном.

Жемчужник предупреждал его о яде! Отравленная пища. Яд в воде.

Джиллер взяла с собой на остров запасы еды и питья. Джон и Роуэн одобрили ее решение, но им и в голову не пришло, что опасность угрожает и им самим. Во всяком случае, так скоро.

Разве что произойдет самое ужасное и Джиллер убьют.

«„...Люди из каждого рода готовы пойти на все, лишь бы победил их кандидат. Они будут шпионить, лгать и лицемерить. Они не остановятся даже перед убийством, если заподозрят, что Оракул склоняется не в их пользу“.

Будь осторожна, мама, — думал Роуэн, нервно сжимая руки. — Не дай им разгадать своих намерений. Ни малейшим намеком не позволь им понять, кто из кандидатов тебе по душе. Следи за своими словами, за выражением лица и даже за мыслями...»

Ведь может случиться, что Хранитель — после тысячи лет жизни бок о бок с Кристаллом — не единственный из водяных людей, кто умеет читать мысли. Роуэн помнил, как Жемчужник пронизывал его своими бледными глазами. Похоже, он понял, о чем думал Роуэн. Но если это правда, то как бы Джиллер ни остерегалась, ее жизнь все равно под угрозой.

Опасность минует, лишь когда она вернется в пещеру Хранителя, положит руку на плечо одного из кандидатов и произнесет слова, которые она шепотом сообщила Роуэну на пути из Рина. Эти слова произносили все Оракулы со времен Орина.

«Оракул завершил избрание. Пусть остальные кандидаты оставят Хранителя».

Сердце у Роуэна забило от страха. Он глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Затем вытер вспотевшие ладони о рубашку. Нельзя терять присутствия духа. Сколько раз мама говорила ему об этом! Но так трудно...

В который раз он усомнился, правильно ли поступала Джиллер, столько лет скрывая от него эту тайну. Не лучше ли было все знать и загодя подготовиться?

Или это с детства тяготило бы его так же, как тяготит сейчас? Быть может, все эти годы его одолевала бы тревога и каждый день он с ужасом ожидал бы прихода посланника? И в снах его преследовали бы бледные люди с холодными внимательными глазами и перепонками между пальцами. Мрачный скалистый остров среди пенного Моря и Кристалл, пылающий ярким пламенем.

Роуэн услышал шум и обернулся. Люди на улице расступились, пропуская вперед группу спешащих людей. Их было трое: двое мужчин и женщина. Все они были одеты в плащи с капюшонами, которые развевались и хлопали на ветру.

Один из мужчин был облачен в одежды серебристого цвета рода умбров, другой — в голубые цвета рода панделлисов. Женщина в зеленом представляла род фисков. Лица их были серьезны, и направлялись они прямо к Роуэну.

«Должно быть, что-то произошло. Что-то ужасное...» Роуэн ощутил дрожь во всем теле. Сердце колотилось так, словно еще чуть-чуть — и оно разорвется. Вокруг собиралась

гудящая толпа любопытных. Трое водяных людей остановились перед Роуэном и низко ему поклонились. Человек в голубых одеждах взглянул на своих спутников и заговорил.

— Приветствую тебя от имени Хранителя Кристалла, Оракул из Рина, — начал он. — Судьба водяного народа в твоих руках...

Под звуки его монотонной речи по толпе прокатился шепот, заполняя слух Роуэна, поднимаясь и опадая, как волны на песке. Оракул... Оракул... Мама... Яд... Яд... Яд...

Багровая волна ужаса опрокинулась на Роуэна, оставив на поверхности одну-единственную мысль: «Мама была права, стараясь как можно дольше держать меня в неведении. Ведь никакие слова не подготовили бы меня к этому испытанию...»

6. Яд

— Кто это сделал? — Роуэн как будто со стороны услышал собственный голос.

— Доподлинно не известно, — ответил высокий человек из рода умбров. — Избрание только началось. Твоя мать уединилась с кандидатами на острове, и вскоре ей стало плохо.

Он говорил без всякого выражения, и глаза его смотрели холодно.

«Это сделал один из кандидатов, — подумал Роуэн. — Тот, кто решил, что проигрывает. — Голова у него кружилась. — „Доподлинно не известно“. Но все можно выяснить».

Женщина в зеленом взглянула на солнце.

— Надо спешить, — сказала она. — Кристалл меркнет. Избрание должно быть продолжено. Время уходит, словно вода при отливе.

Она повернулась, но не успела сделать и шага, как Роуэн, не глядя, схватил ее за руку. Его пальцы скользнули по гладкой ткани одеяния. Рука оказалась холодной и слегка влажной.

— Джон знает об этом? — выпалил Роуэн, глядя на закрытую дверь дома.

— Еще нет.

— Надо ему сказать!

— Ему обо всем расскажут. Он знал бы уже сейчас, если бы ты был с ним. Мы поражены тем, что ты один разгуливаешь по улицам.

В ее ледяном тоне чувствовалось явное неодобрение.

— Я был не... — Роуэн запнулся и не договорил.

Он хотел сказать, что был не один. Что с ним был Жемчужник. Но внезапный приступ страха, пересиливший даже смятение и боль, подсказал ему, что признаваться в этом опасно.

Жемчужник принадлежит к роду панделлисов. И если фиски и умбры прознают, что Оракул близко сошелся с человеком из этого рода, пусть даже посланником Хранителя, они могут встревожиться и заподозрить, что Роуэн непременно выберет ставленника этого рода. И они могут...

— Пойдем, — раздался тихий голос. Это говорил человек из рода умбров. Он стоял так близко, что в его бесцветных глазах Роуэн мог различить собственное отражение. — Пойдем, — повторил он. — Нельзя терять время. Теперь ты Оракул. Судьба водяного народа в твоих руках.

— Я хочу увидеть мою мать, — сумел выговорить Роуэн.

Человек кивнул:

— Разумеется. Для этого по приказу Хранителя ее перенесли в пещеру. Ты должен попрощаться с ней, прежде чем отправишься на остров. Когда ты вернешься, ее уже не будет в живых.

Сердце у Роуэна заколотилось.

— Ты хочешь сказать, что она еще жива? — выдохнул он. — Я думал...

— Она дышит, — промолвил человек из рода умбров и отвернулся, глядя на бушующее Море. — Но яд овладевает ею, и сердце ее бьется все медленнее. Скоро она перестанет дышать.

— Ей не больно, — поспешно вставил человек из рода панделлисов, заметив ужас на лице Роуэна. — Она спит и видит сны. И каждый сон все дальше уносит ее от берегов

жизни. Только и всего.

Человек из рода умбров тонко улыбнулся:

— Не пытайся очаровать Оракула, панделлис. Не стоит притворяться, что ты столь же мягкосердечен, как его народ и он сам. В Водяной стране всем известно, что у людей из рода панделлисов в жилах течет кровь со льдинками. Вы не способны кому-нибудь сочувствовать. А вот умбры...

Женщина из рода фисков резко повернулась к нему.

— Умбры в точности такие же, как панделлисы. Просто они лучше умеют притворяться. Скользкие, словно угри в речном иле, — злобно проговорила она. — А вот мой род...

— Заткни свою змеиную пасть, — вскричал человек из рода умбров и поднял мерцающую серебристую руку.

Все трое сошлись поближе, зажав Роуэна между собой. Их голоса звучали громко и резко. А вокруг бурлила толпа и тоже распадалась на группы. Панделлисы, умбры и фиски. И вот уже в перепончатых руках появляются длинные и узкие кинжалы. Лезвия блестят, отражая солнечный свет.

У Роуэна закружилась голова. Он смотрел на трясущихся от гнева водяных людей. На их странные бледные лица. Широкие тонкогубые рты. Сверкающие злобой плоские глаза. Он слышал их крики.

Гнев вскипел в Роуэне. Он ненавидел этих людей. Всех, вместе взятых. Их идиотская вражда погубила его маму.

— Хватит! — в ярости закричал Роуэн и заткнул уши. — Немедленно прекратите!

И тут же водяные люди замолчали и отступили назад. Они еще содрогались от злобы, но уже снова внимательно и отрешенно смотрели на Роуэна.

Выл ветер. Волны с грохотом бились о берег.

У Роуэна в горле застрял комок. Он чувствовал, что задыхается. Глаза были полны слез. Он сглотнул и поморгал, стараясь вернуть ясность зрения.

Наконец он овладел собственным голосом.

— Отведите меня в пещеру Хранителя, — велел он. — К моей маме! Немедленно!

Роуэн шел, глядя прямо перед собой на узкую спину человека из рода умбров. Смутно он ощущал, что женщина из рода фисков движется слева, а мужчина-панделлис — справа. Они едва ли были выше его ростом, но в состоянии опустошенности, оставшейся после внезапной вспышки гнева, ему казалось, что водяные люди окружили его и стерегут, чтобы он не сбежал. И он ничего не может с этим поделать.

Они быстро шли по улицам, маневрируя в круговороте зеленых, голубых и серебристых фигур, словно большая рыба в стайке мальков.

«Оракул... Оракул...» — то и дело доносилось до Роуэна. Это люди говорили о нем. Они всё знали. Знали, что случилось с его матерью. А некоторые, вероятно, могли сказать, кто ее отравил и почему.

«Скоро она перестанет дышать».

Слова не оставляли надежды. Но все же... Роуэн ускорил шаг, чуть не наступая на пятки человеку из рода умбров. Откуда водяные люди могли знать наверняка? Они ведь и не подозревают о том, какая Джиллер сильная. Вдруг ее еще можно спасти?

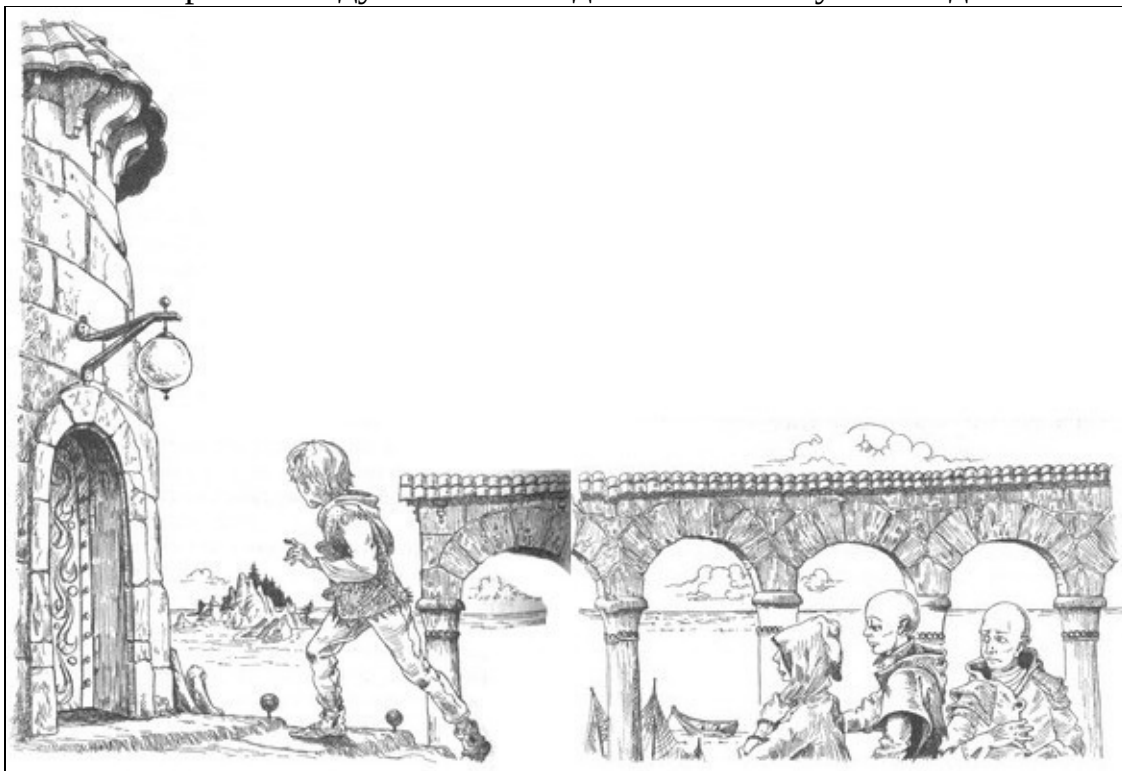
— Долго еще? — громко спросил Роуэн. Внезапно его пронзила ужасом мысль, что

Джиллер умрет раньше, чем он до нее доберется.

— Нет, — коротко сказал человек из рода панделлисов. — Мы уже пришли.

Он слегка толкнул Роуэна плечом, и они повернули направо, к Морю.

Волны бились о берег. В воздухе висела водяная пыль. Роуэн огляделся.

Они стояли перед странным круглым домом песочного цвета с массивными, украшенными перламутром дверями. Крыша была увенчана чашей, в которой зажгут огонь, чтобы сообщить водяному народу, что избрание завершено и Оракул вот-вот огласит имя нового Хранителя.

Перед домом была небольшая площадка, вымощенная светло-зеленым камнем. За домом билось о скалы Море. А еще дальше, за проливом, виднелись темные берега острова, окаймленные белой пеной.

Человек из рода умбров остановился и отступил в сторону.

— Оракул из Рина, дальше ты должен идти один, — почтительно проговорил он.

Женщина из рода фисков сделала движение, словно собиралась что-то сказать, но передумала. Она взглянула на собственные руки и промолчала.

Роуэн двинулся к круглому дому, чувствуя, что все трое внимательно смотрят ему вслед. Но ему было безразлично, что они делают и о чем думают. Без тени волнения или испуга он отворил блестящую дверь и оказался в странной круглой комнате.

Роуэн перестал что-либо ощущать. Все происходило будто во сне.

Дверь захлопнулась за его спиной, и он остался один.

Комната оказалась большой. Стены, пол и потолок были сделаны из тесаного камня — твердого, гладкого и сияющего. Свет исходил лишь от свечей, стоявших в подсвечниках на полу.

В углу комнаты начиналась лестница, ведущая вниз.

Роуэн подошел к ней и увидел, что далеко внизу мерцает свет. Он положил руку на перила и шагнул на первую ступеньку.

— Добро пожаловать, Оракул из Рина, — прозвучал голос у него в голове.

Роуэн вздрогнул и испуганно оглянулся.

— *Я внизу. Спускайся ко мне.*

Голос был мягким и приветливым. И Роуэн повиновался.

Он понял, что скоро увидит Хранителя.

7. Хранитель Кристалла

Винтовая лестница казалась нескончаемой, и вскоре Роуэн потерял счет ступеням. Было ясно, что он уже глубоко под землей, ниже, чем морское дно. Мягкое сине-зеленое сияние освещало путь. Кругом высились каменные стены, и ступени под ногами у Роуэна, твердые и холодные, тоже были из камня. Раздавался монотонный стук капель. Пахло морем и водорослями.

С каждым шагом в Роуэне росло чувство, что им овладевает неведомая сила. Ноги ступали помимо его воли. Ему казалось, будто он попал в невидимую сеть и она тянет его сквозь воду.

Волна страха обуяла Роуэна, вытеснив остальные мысли и чувства. Он задрожал и из всех сил схватился за перила, так что от напряжения побелели костяшки пальцев. Он хотел исчезнуть, слиться с холодным камнем. Хотел броситься назад, под открытое небо. Но продолжал спускаться вниз.

— *Не бойся, Роуэн. Ты чувствуешь силу Кристалла. Иди смело — он не опасен. И твоя мать со мной рядом.*

Глубокий голос неожиданно прозвучал в голове Роуэна. И страх исчез, словно его смыло прочь. Остались лишь печаль и стыд.

«Там мама! — подумал Роуэн. — Как я мог забыть об этом? Как я мог хоть на мгновение замешкаться?!»

Однако в глубине души он продолжал бояться. Крепко вцепившись в перила, чтобы не споткнуться, он двинулся дальше. Сине-зеленое сияние усилилось. Стук капель стал громче.

Наконец Роуэн заметил, что приближается к концу лестницы. Впереди была стена из сияющего камня, а в ней сводчатый проход, словно занавешенный падающими каплями, которые блестели в исходящем из пещеры свете.

— *Мы здесь.*

Но Роуэн и сам понимал, куда идти. Он ощущал мощь Кристалла, исходящую из пещеры.

Вот и последняя ступенька. Двумя шагами Роуэн пересек водяную завесу. Ледяные соленые капли мягко зашлепали по его лицу, затекли в глаза, заструились по волосам. Затем под ногами хрустел песок. Роуэн поднял глаза. Сквозь пелену он увидел яркий свет и мерцающие каменные стены, по которым текла вода.

— *Еще раз добро пожаловать, Оракул из Рина.*

Теперь голос звучал наяву. Шелестящее эхо разнеслось среди влажных стен, снова и снова отражаясь от них, пока наконец каждый угол в пещере не заполнился звуком. Не в силах понять, где находится тот, кто с ним говорит, Роуэн протер глаза и ошеломленно огляделся вокруг.

Все пространство пещеры было окутано сине-зеленым свечением, и от этого воздух напоминал глубокую прозрачную воду, освещенную солнцем. Свет исходил из центра комнаты, но Роуэн туда даже не взглянул, потому что увидел Джиллер, лежащую у стены на скамье, покрытой серебристой тканью.

Роуэн бросился к маме и упал на колени у ее изголовья. Джиллер лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Руки ее были холодными. Но, склонившись к ее лицу, Роуэн почувствовал слабое дыхание, словно она спала.

«Она спит и видит сны. И каждый сон все дальше уносит ее от берегов жизни».

— Мама, — прошептал он, — это я, Роуэн.

Капли воды с его лица упали на щеку Джиллер.

Он их смахнул.

Бледные губы чуть раздвинулись в слабой улыбке. Сердце у Роуэна забилося сильнее. Она его слышит! Он крепко сжал мамину руку.

— Просыпайся! — взмолился Роуэн. — Не поддавайся сну. Надо побороть яд. Ведь ты сильная! Ты должна жить! Ради Аннад! Ради Джона! И ради меня!

Джиллер едва заметно нахмурилась. Веки ее дрогнули.

— Не нарушай ее покоя, Роуэн, — прошелестел голос. — Она не сможет проснуться. Попрощайся с ней и оставь ее. Теперь ты Оракул.

Роуэн обернулся. Исполненные гнева слова замерли у него на губах, когда он встретился с говорившей взглядом.

Хранительница Кристалла неподвижно сидела в центре комнаты, окруженная ярким светом.

Она не была похожа на пожилых людей в Рине, и Роуэн сразу понял, что никогда не видел кого-либо сравнимого с ней по возрасту. Хранительница была до того маленькой, ссохшейся и увядшей, что ее фигура едва виднелась на фоне кресла.

А какие у нее были глаза! Огромные на крошечном лице. В них словно светилась вековая мудрость, но еще явственнее в них читались усталость и неизбывная жажда покоя. «И не такое я видела, — казалось, говорили глаза Хранительницы. — И не такое знаю. Но я устала. Безумно устала...»

Маленькие ручки с почти прозрачными перепонками между пальцами бережно обхватывали источник света — огромный сияющий кристалл, лежавший у нее на коленях. Теперь Хранительница медленно склонилась к нему. Свет хлынул ей в лицо, и она прикрыла глаза, словно нежась в тепле его лучей.

— Кандидаты ждут тебя, Роуэн из Рина, — сказала она. — Избрание больше откладываться не может. Мой час уже близок.

Роуэн почувствовал, что его сотрясает дрожь.

— Один из кандидатов отравил мою мать, — прерывающимся голосом произнес он.

— Все может быть, — ответила Хранительница.

— Кто именно?

— Я не знаю. Кристалл меркнет. Я уже не вижу, что происходит на острове. И я не могу читать мысли тех, кого с детства учили таиться. Твою мать отравили старинным зельем, оно называется Смертный Сон. В последний раз его использовали много веков назад. Этот яд убивает медленно, но верно. Вот и все, что я могу тебе сказать.

«Род миррилов. Люди из этого рода знали толк в ядах. — Внезапно Роуэн будто вернулся в Рин и там, сидя под Школьным Деревом, слушал рассказ Тимона о трех родах водяных людей. — Род миррилов. Люди из этого рода знали толк в ядах. А для каждого яда...»

Шепчущий голос прервал его мысли:

— Роуэн! Слушай меня! Время на исходе. Ты должен завершить избрание.

— Но как?! — воскликнул Роуэн. — Как я могу это сделать, если я знаю, что один из кандидатов — убийца? В то время, когда моя мать лежит здесь и уходит из жизни?

— Ты сможешь, потому что ты должен. Как делали это твои предки, — сказала

Хранительница. — А до них — Оракулы из рода миррилов. Так было всегда.

В ожидании решения она сгорбилась над Кристаллом.

— Если что-то было всегда, это вовсе не значит, что так оно и будет продолжаться! — выпалил Роуэн, сам до конца не осознавая, что говорит.

Хранительница глубоко вздохнула и медленно открыла глаза.

Роуэн оглянулся и посмотрел на маму, неподвижно распростертую на своем ложе. Он знал, что она бы ему на это ответила. Она бы велела быть сильным. Превозмочь боль и исполнить свой долг. Как поступила ее бабушка. Как поступила бы она сама. Как это делали прежние Оракулы.

Хранительница прочитала мысли Роуэна.

— Да, — подтвердила она. — Ты должен быть сильным.

Роуэн посмотрел ей прямо в глаза.

— Я буду сильным, Хранитель Кристалла, — пообещал он. — Я буду сильным, но по-своему.

Ему показалось, что в глазах Хранительницы блеснула искорка, словно последний уголек в потухшем костре. Кто знает, был ли это гнев? Или удивление? Или... что-то совсем иное, что невозможно объяснить словами. Лицо Хранительницы при этом оставалось неподвижным.

— Для Смертного Сна должно существовать противоядие, — сказал Роуэн.

Хранительница покачала головой:

— Твоей матери ничем уже не поможешь.

Она вновь склонилась над Кристаллом.

Роуэн сжал кулаки. Он чувствовал, что она лжет. Он опять вспомнил слова Тимона: «Род миррилов. Люди из этого рода знали толк в ядах. Они придумали тысячу и один смертельный яд, а для каждого яда — особое противоядие».

У каждой загадки должна быть отгадка. А для каждого яда — противоядие.

Но как заставить Хранительницу рассказать об этом? Она думает лишь об избрании. И о том, что нужно спешить. Ей не хочется тратить драгоценное время на поиски лекарства для Джиллер. Хранительница стара и премудра, но все равно она ничем не отличается от остальных водяных людей.

«Одна жизнь ничего не стоит», — сказал Жемчужник на площади в Рине.

Так заведено у водяных людей.

Но старая Ланн ответила ему: «Это ваше мнение, но мы с ним не согласны».

— Мы с этим не согласны, — прошептал Роуэн.

Кристалл засверкал. Послышался скрежет, как будто кто-то открывал дверь.

— Я призвала кандидатов, — сказала Хранительница.

Она подняла голову и откинулась на спинку кресла.

И Кристалл снова засиял. Лицо Хранительницы не дрогнуло, однако Роуэну показалось, будто она созерцает что-то за пределами пещеры.

— Сюда идет твой друг, садовник Джон, — сообщила она. — Нельзя впускать его в пещеру. Он исполнен печали и гнева. Он хочет отомстить за смерть твоей матери.

— Мама не умерла! — воскликнул Роуэн.

Эхо подхватило его слова: «Не умерла... Не умерла...»

Джиллер пошевелилась на своем ложе.

Из глубины пещеры донесся шум.

— Войдите, — сказала Хранительница.

Три человека застыли в проходе. Один в серебристых одеждах, другой — в голубых, третий — в зеленых.

Роуэн с удивлением уставился на них. Он ожидал, что кандидаты будут по крайней мере одного возраста с его матерью и Силачом Джоном, а они оказались гораздо моложе. Но затем Роуэн вспомнил, что Кристалл исполнен вековой мудрости водяного народа. Возраст и жизненный опыт кандидатов не имеют значения, главное — выдержать испытания, придуманные самим Орином. К этим испытаниям кандидаты готовились всю жизнь. Значение имеет лишь сообразительность кандидатов. И их решимость.

«А еще важно желание победить и, судя по всему, склонность к убийству, — беспощадно подумал Роуэн, с отвращением разглядывая застывших в дверях кандидатов. — Один из вас решил убить мою маму. И он считает, что это ему удалось. Не знаю, кто ты, но я расстрою твои планы! Я не сдамся. Я тебя перехитрю! И даже Хранитель Кристалла меня не остановит».

8. Кандидаты

— Ясинка из рода умбров, — провозгласила Хранительница.

Женщина в серебристых одеждах выступила вперед и поклонилась. По меркам водяных людей она была высокого роста. Сверху вниз она спокойно смотрела Роуэну в глаза.

— Приветствую тебя, Оракул из Рина, — негромко произнесла она. — Судьба водяного народа в твоих руках.

«Это ты? — подумал Роуэн, пристально глядя в ее решительные светло-зеленые глаза. — Смогла бы ты, Ясинка, так спокойно смотреть на меня, если бы это ты отравила мою маму? Очень может быть. Я слышал, умбры искусны в обмане. Скользкие, словно угри в речном иле. Ты поняла, что моя мама решительная и здравомыслящая — ее вокруг пальца не обведешь. Ты решила, что гораздо легче будет справиться с молодым Оракулом — робким мальчиком вроде меня?»

— Морелюб из рода фисков, — монотонно прозвучал голос Хранительницы.

Теперь человек в зеленом поклонился и повторил слова Ясинки. Он был еще выше ростом и выглядел очень сильным. Морелюб стоял прямо, вытянув руки по швам, но говорил негромко. Взгляд его так и метался с кресла Хранительницы на неподвижную фигуру Джиллер и обратно.

«Или это ты во всем виноват, Морелюб из рода фисков? — подумал Роуэн. — Не потому ли ты боишься посмотреть на меня? Может быть, ты решил, что Оракулу-женщине Ясинка должна приглянуться больше, и поэтому подсыпал маме яд? Или ты избегаешь моего взгляда, потому что разочарован? По-твоему, мама должна была выбрать тебя, и ты теперь жалеешь, что я заступил на ее место?»

— Угрюм из рода панделлисов, — сказала Хранительница.

Теперь настал черед человека в голубых одеждах. Тот же поклон. Те же слова. Угрюм выглядел моложе остальных кандидатов. Он был утонченнее и меньше ростом, и глаза его казались темнее, глубже и загадочнее.

Внезапно Роуэн вспомнил слова Жемчужника. Тот странным взглядом посмотрел на него и промолвил: «„Глаза у тебя словно у человека, который увидел Великого Змея и остался в живых. Глубокие и исполненные знания. Очень необычно в твоем юном возрасте. Я знал лишь одного мальчика с таким взором“».

Не ты ли, Угрюм, тот самый мальчик, о котором говорил Жемчужник? — подумал Роуэн. — Ты ведь с ним из одного рода. Жемчужник заметил во мне что-то напоминавшее ему о тебе. Может быть, об этом знают и другие люди из вашего рода? Может быть, они и тебе рассказали об этом? Уж не кажется ли им, что ты скорее придешься мне по душе, чем моей маме? Что, вероятнее всего, я выберу тебя? И поэтому?..»

— Оракул готов, — объявила Хранительница. — Сейчас он соединится с Кристаллом, а затем вы вернетесь на остров и избрание начнется заново.

Кандидаты склонили головы.

«Соединиться с Кристаллом? — подумал Роуэн. — Что бы это значило? Может быть, это возможность узнать то, что мне нужно?» Он почувствовал слабый проблеск надежды.

— Имейте в виду, — предостерегающе добавила Хранительница, — если с мальчиком что-то произойдет, как это случилось с его матерью, времени на третью попытку уже не будет. — Она повернулась в кресле и внимательно посмотрела на кандидатов. — Кристалл

меркнет, — хрипло проговорила она, переводя взгляд с одного кандидата на другого. — Скоро я умру. И если в момент моей смерти новый Хранитель не будет стоять рядом со мной, чтобы принять от меня мудрость Кристалла и обновить его силу, Кристалл тоже умрет. Опять разгорится вражда между родами, и некому будет защитить наших людей от зигаков, когда те приплывут к нашим берегам. А они не замедлят это сделать. Тогда мы потеряем все и погибнем.

«Погибнем, погибнем, погибнем...» — подхватило эхо.

Кандидаты слушали серьезно и молча.

— Дай руку, Оракул из Рина, — сказала Хранительница.

Роуэн колебался. Сердце гулко стучало в груди, и он с трудом заставлял себя сохранять внешнее спокойствие.

— Скажи мне, зачем я должен это сделать, — спокойно проговорил он.

И снова что-то забрезжило в глазах Хранительницы. «Гнев? — подумал Роуэн. — Или... радость?»

— Кристалл должен познакомиться с тобой, — объяснила она, — и сделает это, если ты возьмешь меня за руку. Только тогда он признает тебя Оракулом. Поторапливайся. Садовник Джон уже рядом. Нам надо закончить прежде, чем он ворвется сюда.

Роуэн сделал шаг вперед. Он изо всех сил сосредоточился, стремясь скрыть свои помыслы и выжидая удобный момент.

«Я буду сильным, но по-своему».

Он протянул руку и ощутил мягкое прикосновение влажных прохладных пальцев Хранительницы, а затем почувствовал странное покалывание.

Роуэн закрыл глаза и крепко сжал руку. И тут же все вокруг завертелось, и он полетел, глубоко погружаясь в океан воспоминаний Хранительницы.

Странные видения.

Яркий солнечный свет. Тихий плеск волн. Белая пена с шипением оседает на золотом песке. Беззаботный смех ребенка. Дети играют, барахтаясь в воде. Много-много лет назад...

Учеба, наставники, книги. Бессонная ночь над страницами в меркнувшем свете свечи. Кристалл сияет ярче, чем солнце. Манит к себе. Мир сжался до размеров подземной пещеры...

В испуге Роуэн попытался выбраться, спастись, и от этого еще глубже погрузился в самые давние воспоминания.

Древнее Море. Ужасные извивающиеся чудовища затаились под водной гладью... Великий Змей навис надо мной. По капле сочится яд...

Яд. Роуэн ухватился за это слово и попытался остановить круговорот видений. Он сосредоточился на одном: Джиллер. Моя мама. Ее отравили. Она лежит неподвижно. Спит. И жизнь покидает ее. — Роуэн уцепился за этот образ. — *Смертный Сон.*

— Скажи мне, как спасти мою мать, — потребовал он. — Отвечай, Хранитель.

— Кристалл меркнет... Я так устала... нет времени.

— Отвечай!

Внезапно что-то отступило, и перед глазами Роуэна появился ответ. Он увидел в чьих-то перепончатых руках кувшинчик, до половины заполненный серебристой жидкостью. А затем прямо на глазах у Роуэна жидкость изменила цвет — она стала небесно-голубой. Голубой цвет превратился в зеленый. А потом жидкость стала прозрачной. Роуэн услышал

ГОЛОС:

Твой друг из сонной пустоты
Вернется, коль смешаешь ты
Горсть серебристой глубины
И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже.
И новым драчуна пером
Ты все перемешай. Притом
Три раза. Медленно к тому же.
Чудовище из страшных снов
Добавит в зелье каплю яда.
Волшебный эликсир готов.
Прозрачен и открыт для взгляда.^[1]

Со вздохом облегчения Роуэн высвободил руку и отпрянул от Хранительницы. У него кружилась голова, а рука горела.

Он медленно открыл глаза и оказался в темноте, в которой лишь изредка мелькали цветные пятна.

Наконец к нему вернулось зрение и он увидел, что Хранительница привалилась к спинке кресла. Глаза ее были закрыты. Мутно мерцал Кристалл. Позади кресла стояли Ясинка, Морелюб и Угрюм и с ужасом смотрели на Роуэна.

— Что ты сделал? — выдохнул Морелюб.

— То, что должен был сделать, — ответил Роуэн.

Его слова прозвучали уверенно, но чувствовал он себя совсем иначе. Его ноги дрожали, как у новорожденного букшаха. Рука, которой он касался Хранительницы, пульсировала и горела.

Веки Хранительницы дрогнули и приоткрылись.

— Хранитель... — начала было Ясинка, но старуха смотрела только на Роуэна.

— Чего ты хочешь? — резко спросила она.

Но Роуэн не успел ответить, потому что в то же время с лестницы донесся глухой топот и сквозь завесу падающих капель в пещеру ворвался Джон.

Он быстро огляделся, а затем бросился к Джиллер и склонился над ней. Он схватил ее руки, прижал их к груди и позвал ее по имени. Джиллер даже не пошевелилась.

Джон повернулся к Роуэну. Лицо его было зловещим.

— Она предупреждала меня об опасности, а я так до конца и не верил, — произнес он. — Мне казалось, что с Джиллер ничего плохого произойти не может. Роуэн...

— Джон, все будет хорошо, — тихо сказал Роуэн. — Существует противоядие. Хранительница только что мне его показала.

Из-за кресла послышался потрясенный вздох.

Роуэн тут же обернулся. Ясинка? Морелюб? Угрюм? Он не мог сказать наверняка.

— Мама не умрет. Я этого не допущу, — отчеканил Роуэн.

Он говорил это и самому себе, и всем, кто находился рядом с ним.

— Надо продолжить избрание, — настойчиво сказала Хранительница.

Роуэн повернулся к ней.

— Нет! — отрезал он, но в эхе, разлетевшемся по пещере, он услышал, что голос его дрожит. — Мне очень жаль, но избрание придется отложить. — Роуэн чувствовал на себе ошеломленные взгляды Джона, Ясинки, Морелюба и Угрюма, но сам он смотрел только на Хранительницу. — Я знаю, что время не терпит, — продолжил он. — Но прежде всего нужно раздобыть противоядие. Хранитель, дай мне его. Или подскажи, как его найти. Я должен спасти маму. Для меня это важнее всего.

9. Стихотворение Орина

— Роуэн из Рина, ты обещал мне, что будешь сильным, — гневно произнесла Хранительница. — Я позволила тебе соединиться с Кристаллом, и он признал тебя Оракулом. Ты меня обманул.

— Я сказал, что буду сильным, но по-своему, — ответил Роуэн, безуспешно стараясь говорить спокойно и твердо. Ноги его дрожали так сильно, что он чуть не падал. — Ты должна объяснить мне, как я могу спасти мою мать.

— Говорю тебе, это невозможно! — Хранительница обхватила Кристалл руками, словно надеясь отыскать в нем поддержку. Но Кристалл лишь слабо поблескивал. — Скажите ему! — велела она кандидатам, но те недоуменно молчали. Хранительница глубоко вздохнула. — Объясняю тебе: этот яд не использовали со времен рода миррилов.

Роуэн посмотрел на Джона. Тот отошел от Джиллер и теперь, сжав кулаки, стоял рядом с Роуэном. Роуэн знал, о чем думает Джон. Раз яд такой редкий, нетрудно будет узнать, откуда он взялся. Просто надо выяснить, какой род разгадал тайну Смертного Сна и изготовил зелье.

Но Роуэну сейчас было не до мести.

— Хранитель, противоядие существует, — повторил он. — Я его видел. Серебристая жидкость превратилась в голубую, затем в зеленую, а потом стала прозрачной. Я видел кувшинчик в руках водяного человека.

Твердый взгляд Хранительницы не дрогнул.

— Это был Орин, — сказала она.

— Орин, — прошептала Ясинка.

Морелюб прижал палец к губам. Один Угрюм остался невозмутимым.

— Орин занимался приготовлением противоядия для Смертного Сна в тот самый день, когда он обрел Кристалл, — продолжила Хранительница. — Вот что ты увидел в моих мыслях, Оракул из Рина. Ты увидел воспоминания Орина. Последнюю каплю эликсира из того кувшинчика мы истратили пять столетий назад. Больше его нет.

«Нет, нет...» — зашевелилось эхо.

— Значит, нужно приготовить его заново, — твердо сказал Роуэн. — Ведь если это были руки Орина, значит, слова тоже произнес он.

— Какие слова, Роуэн? — воскликнул Силач Джон.

Все трое кандидатов подались вперед. Даже невозмутимая Ясинка. Даже отрешенный Угрюм.

— Указание, как изготовить противоядие, — ответил Роуэн и начал читать стихи вслух. Ему даже не пришлось их припоминать — строки словно врезались в его память.

Твой друг из сонной пустоты
Вернется, коль смешаешь ты
Горсть серебристой глубины
И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже.
И новым драчуна пером
Ты все перемешай. Притом
Три раза. Медленно к тому же.

Чудовище из страшных снов
Добавит в зелье каплю яда.
Волшебный эликсир готов.
Прозрачен и открыт для взгляда.

Ясинка недоверчиво хмыкнула.

— И что все это значит? — проговорил Морелюб.

Глаза Угрюма заблестели.

— Орин зашифровал свои указания, — сказал он.

— Да, — подтвердила Хранительница. — И я знаю все его тайны. — Тут она повернулась к Роуэну. — По завету Орина я не имею права объяснить тебе смысл стихотворения, — холодно сказала она. — Но поверь мне, даже если бы я назвала тебе все составные части эликсира, ты все равно не сумел бы их раздобыть. Противоядие сделать невозможно.

— Возможно, — упрямо произнес Роуэн. — И нужно.

Кристалл засиял, и Роуэн почувствовал, как что-то давит на него, врывается в его мысли. Он отчаянно пытался вырваться, перебороть неведомую силу.

— Хранитель, тебе не удастся меня покорить, — с трудом проговорил он. — Ты не заставишь меня передумать. У тебя слишком мало сил.

— Нет времени! — свистящим шепотом сказала Хранительница. — Твой замысел нелеп, мальчишка из Рина. Если бы изготовить противоядие было так просто, как ты думаешь, оно бы уже было у меня, а твоя мать уже пришла бы в себя. Я вовсе не бездушная карга. Я бы вылечила Джиллер, будь это в моих силах. Но эликсир против Смертного Сна делается из крайне редких вещей — достать их почти невозможно. Ты никогда не раздобудешь их в одиночку. Никогда...

— Он будет не один, — вмешался Джон. — Я ему помогу.

Он стремительно шагнул на середину пещеры и встал рядом с Роуэном, возвышаясь над Хранительницей. Рядом с ним она казалась маленькой и хрупкой, как ребенок. Однако она ничуть не испугалась и отрицательно покачала головой.

— По завету Орина остров закрыт для всех, кроме Хранителя, — сказала она. — Оракул и кандидаты допускаются на него только на время избрания. И не пытайся туда пройти, садовник Джон. За это ты заплатишься жизнью.

Помрачнев еще сильнее, Джон взглянул на бледную и неподвижную Джиллер:

— Есть вещи, которых я боюсь больше, чем смерти.

— Я тоже, — согласилась Хранительница. — Я не могу нарушить своего обета, Джон, поэтому я не пущу тебя на остров. На это у меня силы хватит.

— Ну что ж, тогда Роуэн пойдет один, — жестко проговорил Джон. — Он пойдет, а мы будем ждать здесь. Ты говоришь, что один он не справится. Значит, не справится. И не изберет нового Хранителя. Тогда Джиллер умрет. И ты умрешь. И навсегда померкнет Кристалл. Этим твой обет не будет нарушен?

— Ты убедительно рассуждаешь, человек из Рина, — слабо улыбнулась Хранительница. — Но на острове тебе не бывать.

В пещере воцарилось молчание, нарушаемое лишь звуком струящейся воды.

И тут Роуэн понял, что он должен делать. У него просто не было другого выхода. Ему

нужна помощь, и он знал, где ее найти. Он взглянул на кандидатов, застывших за креслом Хранительницы. И впервые за все время он обратился прямо к ним, стараясь скрыть страх и недоверие:

— Ясинка из рода умбров, Морелюб из рода фисков, Угрюм из рода панделлисов, для вас остров не закрыт. Вы мне поможете?

Роуэн ожидал, что они с готовностью согласятся. Все-таки он Оракул, и каждый из них должен лезть из кожи вон, стараясь ему понравиться и убедить его в том, что Джиллер отравил кто-то другой. Но кандидаты неуверенно смотрели на Хранительницу и явно не собирались поступать против ее воли.

А Хранительница замерла, склонившись над Кристаллом.

— Хорошо, — наконец произнесла она безжизненным голосом. — Будь что будет. Но я хочу предупредить тебя. На рассвете моя жизнь завершится. И если к этому времени не будет избран новый Хранитель, Кристалл умрет вместе со мной.

— Я вернусь вовремя и завершу избрание, — прошептал Роуэн. — Я обещаю.

— Не сомневаюсь, что так ты и собираешься поступить, — сказала Хранительница. — Ты вернешься... если это будет в твоих силах. Ты выбрал опасный путь, Оракул из Рина. Он опасен и для тебя, и для водяного народа, и для всех окрестных земель. Быть может, уже сейчас к нашему берегу на всех парусах мчатся корабли зيبаков. Зيبаки наверняка прослышали о том, что Кристалл меркнет. Их шпионы повсюду.

— Да ведь угроза нападения была велика и во время предыдущих избраний, — пересохшими от волнения губами сказал Роуэн.

Хранительница взглянула на свои пальцы, сквозь которые светился Кристалл.

— Но всего лишь раз страшная опасность грозила самому Кристаллу. Триста лет назад, когда был истреблен род миррилов. Тогда Лит, твой далекий предок, на себя и своих потомков принял тяжкое бремя Оракула и этим ради общего блага спас Кристалл. — Хранительница подняла глаза. — Ты очень похож на Лита, Роуэн из Рина, — проговорила она. — Поразительно похож. Странно становится при мысли, что он спас Кристалл, а ты можешь его погубить.

Роуэн похолодел. Он повернулся к Джону, который смотрел на него очень серьезно. На миг решимость Роуэна ослабла, но затем он перевел взгляд на Джиллер и понял, что он просто не в состоянии поступить иначе.

Морелюб беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Пора идти, — настойчиво позвал он. — Солнце уже клонится к закату. Не стоит упускать светлое время.

Роуэн обратился к Джону.

— Ты приглядишь за Звездочкой, пока меня не будет? — спросил он.

Силач Джон кивнул. Затем он порылся в карманах и вытащил кожаный мешочек, а из него достал маленький сияющий кувшинчик из хрусталя со сверкающей серебряной крышечкой в виде расправившейся плавники рыбы.

— Я купил его для Джиллер, — пояснил Джон. — Прямо перед тем, как Жемчужник сообщил мне о том, что случилось. Смотри, какой он красивый. Я сразу понял, что это — для нее. Возьми его, Роуэн, и наполни тем, что спасет жизнь твоей матери. По-моему, лучшего применения ему не сыскать.

Джон говорил спокойно, но его загрубевшие от работы пальцы дрожали, когда он засовывал кувшинчик обратно в футляр и вручал его Роуэну.

Роуэн аккуратно положил кувшинчик в карман. Ему хотелось хоть чем-нибудь подбодрить Джона, но он не мог пообещать ему достать противоядие и понимал, что какие бы опасности ни ждали его на пути, они не сравнятся с муками, которые предстоит пережить Джону во время его бездеятельного ожидания в пещере.

— Джон, я постараюсь изо всех сил, — тихо сказал Роуэн.

Тяжелая рука Силача Джона опустилась ему на плечо.

— Я знаю. С тобой все мои мысли и надежды.

Роуэн повернулся и направился к ожидавшим его кандидатам.

— Ты не забыл попрощаться с матерью, Оракул из Рина? — хриплым голосом спросила Хранительница, когда он проходил мимо ее кресла.

Гнев вскипел в Роуэне, и он произнес те слова, которые не сумел сказать Джону.

— Нет. Мне не нужно прощаться с мамой, — громко, чтобы слышали все, произнес он. — Она будет еще жива, когда я принесу для нее противоядие.

— Посмотрим, — сказала Хранительница.

10. На острове

В молчании они следовали друг за другом по туннелю, ведущему на остров. Роуэн шел первым: у выхода из пещеры Ясинка, Морелюб и Угрюм остановились и почтительно пропустили его вперед.

Теперь они шли за ним, приноравливаясь к его шагу. Их ноги в мягкой обуви беззвучно ступали по гладким влажным камням, и Роуэн не раз невольно оборачивался, чтобы проверить, идут ли кандидаты следом. Но они всегда оказывались в трех шагах позади и внимательно на него смотрели.

Факелы в их руках освещали путь. Мрачные тени метались по каменным стенам. В неверном свете блестела вода, сочившаяся из щелей и растекавшаяся по полу.

Роуэн старался не думать о том, что они идут под морским дном. От одной мысли об огромной массе бескрайних вод прямо над головой у него по спине бежали мурашки. Но он взял себя в руки и попытался составить план действий. В пещере он устремил все силы на борьбу с Хранительницей, и у него просто не было времени, чтобы подумать. А потом его отвлекло необычное странствие по туннелю.

Теперь уже пора было разгадывать таинственный список элементов, что входили в эликсир из стихотворения Ориана. В ушах Роуэна все еще звучали зловещие слова Хранительницы, утверждавшей, что поиски безнадежны — пусть бы он даже точно знал, что ему необходимо.

Интересно, что думают об этом его спутники? Или каждого из них больше волнует судьба Кристалла? И отсрочка избрания занимает их сильнее всего остального?

Впереди забрезжил тусклый свет: там был конец туннеля. Послышался шум волн — отдаленный мерный грохот бьющейся о скалы воды.

— Впереди ступеньки, Оракул из Рина.

Это был голос Ясинки, холодный и невыразительный.

Роуэн обернулся к ней.

— Знаешь что, лучше называй меня по имени, — попытавшись улыбнуться, сказал он.

— Как хочешь, — ответила она без малейшей тени ответной улыбки.

«По крайней мере, Ясинка не пытается произвести на меня хорошее впечатление, — подумал Роуэн, продолжая идти вперед. — Она не хочет казаться иной, чем есть на самом деле... Или ее наставники посоветовали ей так себя вести, — напомнил он сам себе. — Ведь что говорил Жемчужник: „Кандидаты наблюдают за Рином, поэтому они знают, как расположить к себе Оракула“. Может быть, наставники предупредили Ясинку, что в Рине не терпят притворства. Вот она и делает вид, что ничего от меня не скрывает. А сама втайне что-нибудь замышляет. Как знать, что у нее на уме?»

Роуэн покачал головой, чтобы прогнать неприятные мысли. Если бы он только мог доверять этим людям... Ему и без того предстоит нелегкое дело, а тут еще приходится постоянно думать о том, кто говорит правду, а кто лжет. Кто отравил его мать, а кто невиновен.

В конце туннеля, как и сказала Ясинка, были крутые каменные ступени. Сверху на них падал дневной свет.

Роуэн начал подниматься, и с каждым шагом шум волн становился все отчетливее и свет усиливался — он пробивался сквозь решетку ворот.

Роуэн пошел быстрее, хотя он и без того задыхался и у него болели ноги. Какие бы опасности ни поджидали его на этом острове, Роуэну не терпелось оказаться под открытым небом, на свежем воздухе. Он с облегчением преодолел последние ступени, отворил ржавые железные ворота и спотыкаясь вышел наружу.

Роуэн так долго пробыл под землей, что теперь дневной свет показался ему ослепительным. Глаза слезились, и он долго моргал и вытирал их руками. Наконец зрение вернулось к нему, и он увидел, что находится на скалистом берегу. Впереди начинался густой лес, непроходимый из-за ползучих растений, выющихся между деревьями.

Ясинка, Морелюб и Угрюм вышли вслед за Роуэном. Ворота с лязгом захлопнулись у них за спиной, скрывая ступени, которые словно обрывались во тьму. Рядом, разбиваясь о скалы, пенились волны. А вдалеке, за беспокойными водами пролива, простирались золотые пляжи и поднимались круглые дома водяных людей.

Роуэн прищурился и среди множества строений попытался отыскать хлев, где находилась Звездочка. Мальчик подумал, что она наверняка встревожится, когда вместо него к ней придет Силач Джон. Джон накормит ее и напоит, но Звездочка все равно будет скучать по Роуэну.

Дул пронизывающий ветер, но на той стороне пролива дети плескались в волнах. Чуть поодаль на берегу сидели мужчины и женщины и латали сети. А у самой кромки воды одиноко расхаживала женщина в зеленых одеждах рода фисков.

Роуэну показалось, что он видел ее прежде. Что-то знакомое почудилось ему в ее походке. Она вышагивала с очень прямой спиной, а руки спрятала под плащом. Ну конечно, это та самая суровая женщина, которая сопровождала его на пути к пещере Хранителя.

Роуэн почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, и медленно повернул голову.

Это был Морелюб. Он не замечал, что Роуэн за ним наблюдает. С серьезным лицом Морелюб не отрываясь глядел на берег.

«На что он смотрит? На детей? На дома? На людей, которые чинят сети? Или его внимание приковала женщина из рода фисков?»

Та как раз остановилась, повернулась к Морю и словно застыла. Ее зеленое одеяние развевалось на ветру, капюшон упал с головы.

«Она смотрит на нас», — подумал Роуэн и снова взглянул на Морелюба. Тот тоже стоял без движения, как будто на чем-то сосредоточившись. Соленые брызги летели ему в лицо, но он не обращал на них никакого внимания.

Женщина не махала Морелюбу, не подавала ему никаких знаков, но все равно Роуэн понял, что она каким-то образом шлет ему весть от рода фисков. «Если они не умеют читать мысли, значит, послание заключается в том, как она стоит. Или даже в том, что она вообще вышла на берег. Нет конца хитрости и уловкам этих людей!»

Роуэн вновь ощутил, как изнутри поднимается волна гнева, да такая сильная, что он едва мог дышать.

Видимо, он издал какой-то звук, потому что Морелюб ошеломленно и виновато взглянул на него.

— В твоём роде уже знают, что избрание отложено? — резко спросил Роуэн. — С этим связано ее послание?

— Какое ещё послание? Нет никаких посланий, — сказал Морелюб и отвернулся.

Но Роуэн знал, что он лжет.

«Здесь все лгут, — горько подумал мальчик. — Ложь затаилась в сердцах людей, как

змеи в морских глубинах. — Он никак не мог успокоиться и нисколько не жалел, что показал Морелюбу свои чувства. — С кандидатами я могу не следить за словами. Чего бы я ни страшился, но только не смерти от их рук. Хранительница сказала им, что времени посылать за новым Оракулом уже не будет. Ни один из кандидатов не решится рисковать судьбой Кристалла. Или все же...»

Неожиданная догадка оглушила Роуэна.

Ведь времени не было с самого начала. Хранительница призвала Оракула в самый последний момент. И кандидаты об этом знали. Однако кто-то отравил Джиллер. Отсрочка избрания смертельно опасна для водяного народа. Тем не менее кто-то пошел на это.

Роуэн понял, что перед ним вопрос величайшей важности: «Как мог решиться на это человек, радеющий о благе водяного народа? Что толку стремиться к победе своего рода, если Кристалл померкнет навсегда?»

Роуэн внимательно посмотрел на кандидатов.

Морелюб, согнувшись, завязывал шнурок. Или притворялся и попросту прятал лицо? Ясинка и Угрюм стояли поодаль, окруженные туманом из водяной пыли: высокая фигура в серебристом плаще и фигура чуть пониже — в голубом.

Роуэн вспомнил слова Жемчужника: «„Кандидаты тщательно изучают жизнь в Рине... Их наставники знают ход твоих мыслей. Они собирали сведения о тебе с тех пор, как ты появился на свет“».

Если они действительно знают обо мне все, — подумал Роуэн, — они могли бы догадаться, что я не брошу маму, а попытаюсь ее спасти. Они могли предположить, что я даже отложу избрание. И я так и сделал».

Сердце Роуэна дрогнуло. Новая мысль пришла ему в голову. Ужасная мысль, от которой не было спасения. Он повел себя именно так, как кто-то от него ожидал. Кто-то хочет, чтобы избрание не состоялось и сила Кристалла иссякла. И Роуэн оказался слепым орудием в его руках!

11. В начале поисков

— Мы уже отдохнули. Хватит терять время, — холодно проговорила Ясинка.

Роуэн сглотнул. Теперь он боялся произнести хоть слово. Он крепко сжал руки, стараясь унять дрожь.

— Что с тобой? — резко спросил Морелюб, — Ты болен?

Роуэн не увидел, а скорее почувствовал, как кандидаты с подозрением посмотрели друг на друга.

— Я не болен, — с трудом выговорил он, прерывисто вздохнул и попытался успокоиться.

Он подумал о Звездочке, о Джоне и об Аннад. И о маме, которая неподвижно лежит в пещере Хранителя.

«Ничего не изменилось, — сказал он сам себе. — Кто бы ни стоял за этим подлым поступком и каков бы ни был его замысел, надо делать то, ради чего я здесь. Я должен последовать указаниям Орина и найти противоядие. Времени осталось совсем мало!»

Роуэн вытащил из кармана хрустальный кувшинчик, который дал ему Джон. Прелестный сияющий сосуд — пока что, увы, пустой. Ему еще предстоит наполниться эликсиром, который спасет жизнь Джиллер.

Крепко сжав кувшинчик в руке, Роуэн тихим голосом произнес стихотворение Орина:

Твой друг из сонной пустоты
Вернется, коль смешаешь ты
Горсть серебристой глубины
И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже.
И новым драчуна пером
Ты все перемешай. Притом
Три раза. Медленно к тому же.
Чудовище из страшных снов
Добавит в зелье каплю яда.
Волшебный эликсир готов.
Прозрачен и открыт для взгляда.

— Какая-то абракадабра, — заметил Морелюб.

— Это же слова Орина, — сурово сказала Ясинка. — Это тайные слова. Никто другой и не должен их понимать. Тысячу лет они были скрыты от людей. Да и сейчас не следовало бы разгадывать их смысл. Так было всегда.

Угрюм призадумался.

— Первые строчки понятны, — наконец проговорил он. — Но дальше... «горсть серебристой глубины»...

— Дальше тоже все ясно, — поспешно вставил Морелюб. — Надо взять пригоршню воды из морских глубин.

— Да первые три строчки любой ребенок разгадает, — презрительно хмыкнула Ясинка. — Дело совсем не в этом.

Дрожащими пальцами Роуэн открутил крышку кувшинчика. «Я не стану слушать их споры, — приказал он сам себе. — Надо думать только о том, что я делаю. Сперва надо добыть воду. Так вперед!» И он двинулся прочь от кандидатов, направляясь к прибрежным скалам, едва различимым в дымке из брызг.

— Подожди, Оракул из Рина, — окликнула его Ясинка.

Но Роуэн не остановился. «Ты, Ясинка, надеешься, что у меня ничего не выйдет, — сердито подумал он. — Ты уже пробовала меня отговорить. И не надейся. Ничего у тебя не получится». Он добрался до скал и принялся осторожно спускаться к воде.

И вот тут-то в одно мгновение его злость испарилась, и Роуэн понял, как опасно то, что он задумал. Волны с бешеной силой бились о скалы, разлетаясь облаками брызг и клочьями пены. Тяжелые сапоги Роуэна скользили на мокром гладком камне. Ему казалось, будто он идет по льду. А когда Роуэн подобрался поближе к воде, ледяные струи ударили ему в лицо и ослепили его, так что он больше ничего не видел.

Накатила новая волна, и нога Роуэна соскользнула вниз. Вскрикнув, он безуспешно попытался удержать равновесие. Мир стремительно опрокинулся и...

Шесть крепких рук вцепились в него и вытянули на безопасное место. Роуэн обернулся и посмотрел в лица Ясинки, Морелюба и Угрюма, которые глядели на него очень серьезно. Роуэн не мог унять дрожь. Если бы он упал вниз, то неминуемо разбился бы о камни и волны утащили бы его в бушующее ледяное Море.

Однако все трое кандидатов бросились ему на помощь. Значит ли это, что он ошибся и среди них нет врага? Или он просто должен умереть не сейчас? Может быть, кто-то хочет, чтобы он был жив и тратил впустую бесценное время, пока наконец Хранительница не покинет берега жизни, и тогда Кристалл померкнет навсегда?

Роуэн моргнул, глядя на расплывающиеся лица, и вытер глаза.

— Спасибо, — еле слышно проговорил он.

— Твоя обувь, Роуэн, не подходит для скалолазания, — улыбнулся Морелюб.

— Я же просила тебя подождать, — строго заметила Ясинка. — Лезть в эти опасные воды должен был кто-то из нас — если в этом вообще есть необходимость.

— Я попросил вас помогать мне, — слабо оправдывался Роуэн, — но я вовсе не имел в виду, чтобы вы рисковали жизнью.

— Жизнь одного из нас ничего не стоит, — твердо сказала Ясинка. — Но если погибнешь ты, погибнет весь наш народ.

Морелюб кивнул.

— Дай мне кувшинчик, и я достану воды, — предложил он. — У нас мало времени.

Угрюм открыл рот и хотел было что-то сказать, но передумал. Его взгляд — необычно рассеянный для водяного человека — скользнул с лица Роуэна на бурлящую воду.

— В чем дело? — спросил Роуэн.

— Я... я не думаю, что в стихотворении говорится об этой воде, — сказал Угрюм. — По-моему, нам надо искать ее в другом месте.

Остальные изумленно на него уставились.

— Глубина — в Море, — возразила Ясинка.

— И Море серебристо блестит на солнце, — добавил Морелюб.

Угрюм покачал головой.

— Слова «серебристая глубина» тихи, спокойны и полны таинственности, — проговорил он. — А в этом месте Море всегда бушует. Волны борются друг с другом и

разбиваются в пену. Вряд ли Орин назвал бы эти воды серебристой глубиной.

— Откуда тебе знать, о чем думал Орин? — фыркнула Ясинка.

Угрюм посмотрел себе под ноги и ничего не ответил.

Роуэн прикусил губу и медленно закрутил серебряную крышку кувшинчика. Он сразу понял, что Угрюм прав. И как противно было вспоминать о собственной глупости! Он позволил себе поддаться гневу и совсем позабыл, что водяные люди хитроумны, а Орин — более всех. Только в отчаянии можно было поверить, что у первой загадки такое простое решение. Роуэн действовал до того безрассудно, что чуть не расстался с жизнью, — и все впустую!

«Я должен поступать осторожнее, — подумал он. — Нельзя поддаваться страху. Если я не буду таким же хладнокровным, как эти водяные люди, я никогда не сумею их перехитрить».

Роуэн глубоко вздохнул.

— Как ты считаешь, Угрюм, что такое серебристая глубина? — спросил он.

— Не знаю, — тихо проговорил Угрюм. — Но она должна быть где-то здесь, на острове или вблизи него. Ведь именно здесь Орин приготовил зелье.

— Тогда будем искать, пока не найдем. — Роуэн засунул кувшинчик в карман и огляделся.

Скалистый берег, бушующие волны, редкая поросль травы, густой непроходимый лес... «С чего мы начнем?»

— С чего мы начнем? — вслух повторил он свой вопрос.

— Остров для нас как незнакомые воды. — Громкий голос Морелюба перекрыл шум волн. — Здесь бывает только Хранитель. Но я часто плавал вокруг острова. На той стороне — ее из города не видно — есть тихие песчаные бухты и укромные места. Может быть, там...

Роуэн подумал и согласился.

— Надо попробовать, — сказал он. — Пойдем вдоль берега. Это проще, чем ломиться через лес.

— На той стороне острова мы будем скрыты от города, — возразила Ясинка. — А Кристалл светит настолько тускло, что Хранитель не сможет наблюдать за нами. И если с нами что-нибудь случится, никто не придет нам на помощь.

— Значит, будем надеяться только друг на друга, — сказал Роуэн.

Услышав эти слова, кандидаты вновь с подозрением переглянулись, нахмурились и словно невзначай принялись поправлять свои кинжалы.

На Роуэна накатило отчаяние. Мало надежды, что кандидаты из враждующих родов захотят помогать друг другу. Сейчас соперники для них опаснее врагов.

Роуэн начал пробираться вдоль берега, стараясь держаться поближе к деревьям и как можно дальше от коварных скал. Он вспомнил слова Ясинки: что бы с ними ни случилось на той стороне острова, из города этого никто не увидит. Сам Роуэн будет абсолютно беззащитен. Никто не помешает одному из кандидатов убить его, затем остальных, а после вернуться к Хранительнице и поведать ей о том, как по нелепой случайности все свалились в Море.

Было ли и это путешествие частью чьего-то замысла?

12. Тайная сторона острова

Роуэну было одиноко и очень страшно. Если бы он только мог поговорить с кем-нибудь, кому доверял! Он оглянулся на кандидатов, которые гуськом шли за ним следом. Впереди шествовала Ясинка. Море и деревья отражались в серебристой ткани ее плаща.

Внезапно Роуэн понял, почему Ясинка кажется ему такой знакомой. Несмотря на странный облик и диковинное одеяние, она напоминает ему Джиллер. Она такая же честная, жесткая и прямолинейная, готовая во всем идти до конца и любой ценой добиваться правды.

Тем временем, пробираясь вдоль берега, они почти обогнули остров. Еще чуть-чуть — и Водяной город исчезнет из виду.

Мысли Роуэна кружились в бешеном хороводе. Да, Ясинка очень похожа на маму. И хотя она прохладно относилась ко всем его затеям, Роуэну очень хотелось ей доверять. Он вспомнил, что Ясинка — единственная, кто предупредил его об опасности, таящейся на другой стороне острова.

«Но она же понимала, что это меня не остановит, — подумал он. — А может, даже догадалась, что я, наоборот, только тверже буду стоять на своем.

„Их наставники знают ход твоих мыслей“».

«Я ни за что не должен забывать об этом, — сказал сам себе Роуэн. — Ни в коем случае».

И он стал думать о высоком и крепком Морелюбе, который шагал следом за Ясинкой. Морелюб — энергичный и целеустремленный человек. Он уверен в себе. На него можно положиться. Морелюб чем-то похож на Джона — тот столько раз помогал Роуэну и выручал его из беды!

Именно Морелюб предложил отправиться на тайный берег острова. Кажется, он сделал это лишь потому, что хотел помочь. Как и Силач Джон, Морелюб не терпит бездействия.

«Но так ли это? Или Морелюб попросту сделал еще один шаг к исполнению своего коварного замысла?» Роуэн покачал головой. В Морелюбе он тоже не мог быть уверен до конца.

Значит, остается Угрюм. Угрюм шел последним. Ростом он был меньше остальных, так что, оборачиваясь, Роуэн лишь изредка замечал за широкой спиной Морелюба голубое мерцание.

Угрюм спокойный и задумчивый. Однако он вызывает еще больше сомнений, чем остальные. Но не напоминает ли и он кого-нибудь?

Ну конечно же! Угрюм поразительно похож на самого Роуэна. Без сомнения, ему-то можно доверять.

Однако именно Угрюм завел разговор о серебристой глубине. И его, казалось бы, нерешительные слова в конце концов побудили их пуститься в путь, хотя сам Угрюм ничего подобного не предлагал.

Кто знает, может быть, как раз Угрюм хитрее и опаснее всех остальных.

У Роуэна закружилась голова. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Он беспомощно барахтался в бурных водах вопросов и сомнений. Наконец он засунул руку в карман, сжал в кулаке заветный кувшинчик с серебряной крышечкой, и ему стало легче.

«Доверять нельзя никому, — решил Роуэн. — Я должен надеяться только на себя».

Внезапно он заметил, что под ногами у него песок, а не твердый камень. За размышлениями он и внимания не обратил, что они уже обогнули остров.

Морелюб был прав: тайный берег оказался мелководной бухтой. Да и лес, начинавшийся у самого края пляжа, не был уже непролазной чащей. Поросшие папоротником узкие тропки уводили в его глубину. Из-за стволов виднелись зеленые опушки.

На этом берегу волны были тише и спокойнее. Дальний конец пляжа упирался в зубчатый утес, отвесно поднимавшийся из Моря. Две большие птицы кружились над ним и перекликались резкими голосами. Это были первые живые существа на острове. А если бросить взгляд за полосу прибоя, то дальше, до самого горизонта, были видны лишь небо и Море...

«Вот теперь я действительно остался один», — мелькнуло в голове у Роуэна. Он попытался унять страх.

«...Горсть серебристой глубины...»

Роуэн ощутил странное напряжение и обернулся. Ясинка, Морелюб и Угрюм стояли прямо у него за спиной. Они догнали его и застыли в ожидании. Давно ли они подошли? Роуэн не мог сказать наверняка. Водяные люди очень тихо ходят.

«Я должен сказать им, что делать дальше, — подумал Роуэн. — Но я же понятия не имею! — Он вновь ощутил приступ отчаяния. — Я не знаю, куда идти! Я никогда здесь раньше не был. Как страшно! И зачем только я настаивал, чтобы мы сюда пришли?»

Он снова взглянул на кандидатов и вдруг понял, что они очень изменились.

Всего пару часов назад он бы этого не заметил. Но теперь он успел привыкнуть к водяным людям, и они больше не казались ему похожими друг на друга. Он уже научился различать выражения их лиц и перемену настроения.

И сейчас он понял, что Ясинка, Морелюб и Угрюм испуганы до полусмерти. Глаза их смотрели настороженно. Они стояли в напряженных позах, и каждый держал руку поближе к поясу с кинжалом.

«На тайной части острова они еще больше, чем я, чувствуют себя на чужбине, — сообразил Роуэн. — Они не изучали этого места и никогда не бывали здесь прежде. Они отрезаны от дома и не знают, что их ждет впереди». Почему-то от этой мысли к нему вернулась уверенность в себе.

— Давайте пойдем вдоль берега и будем смотреть во все стороны в поисках того, о чем говорится в стихотворении, — предложил он.

— Глубина — это Море, — заметила Ясинка. — Оракул из Рина, нет смысла искать среди деревьев.

— У слова «глубина» много значений, — тихо возразил Угрюм. — В стихах не сказано, что именно имеется в виду.

— Да какая разница! — не выдержала Ясинка. — И так понятно, что хотел сказать Орин.

— Ясинка из рода умбров, уж тебе-то откуда знать, что хотел сказать Орин? — язвительно хмыкнул Морелюб.

— Заткни свою склизкую пасть, фиск! — взвизгнула Ясинка.

— Сама заткнись, — отозвался Морелюб.

Роуэн промолчал. Ему хотелось осадить кандидатов. Или умолять их помириться и действовать сообща. Но он знал, что все без толку.

Он устало двинулся вперед, понимая, что остальные пойдут следом. Песок хрустел под ногами. На ходу Роуэн то и дело переводил взгляд с Моря на лес и обратно.

С каждым шагом надежды становилось все меньше.

Ничего. Ровным счетом ничего не попадалось ему на глаза. А ведь конец пляжа был уже близок — впереди начиналась подошва скалистого утеса, который перегораживал берег и выдавался далеко в Море. Еще пара шагов — и идти будет некуда. Придется продолжить поиски в лесу. И хотя остров невелик, понадобится несколько дней, чтобы прочесать его вдоль и поперек.

«Если бы я только знал, что мы ищем!» — в отчаянии подумал Роуэн. Он прошел мимо еще одной опушки, взглянул на густые заросли высокой травы и двинулся дальше.

Пронзительный вскрик птицы — вроде тех, что он слышал и прежде, — раздался откуда-то из глубины леса. Роуэн машинально посмотрел в ту сторону. И тут, когда он уже поворачивал голову обратно к Морю, он кое-что увидел. Всего лишь вспышка — он заметил ее краем глаза.

Роуэн замер как вкопанный, а затем отступил на шаг, пристально вглядываясь в просвет между деревьями. И снова откуда-то из зеленой чащи сверкнуло серебром. словно тихая поверхность воды блеснула под лучом солнца.

— Кажется... там что-то есть, — сказал он, подзывая остальных.

Он старался говорить спокойно, но сердце у него бешено колотилось.

Почему-то он был уверен, что отыскал серебристую глубину Орина.

13. Серебристая глубина

Они пробрались сквозь густую высокую траву, с опаской вступили в лес и тут же в изумлении остановились. С обеих сторон поднимались высокие деревья. Их ветви переплетались, образуя плотный лиственный шатер, не пропускавший солнечного света. Однако с берега из-за травы было неприметно то, что теперь открылось их взору. В этом самом месте начиналась тропа, уходившая вглубь леса.

Угрюм огляделся и вздрогнул.

— Кто только мог ее проложить? — удивился Морелюб.

Без сомнения, тропа появилась не сама собой. Она была ровной и широкой, так что все четверо свободно могли идти бок о бок. По краям ее возвышались земляные валы, поросшие кустами и мхом.

— Конечно, Хранитель, — ответила Ясинка. — Только ему позволено бывать на острове. Но видно, здесь уже давно никто не ходил.

Она указала на густой слой перегнивших листьев и густые кусты папоротника, разросшиеся посреди тропы.

— Не меньше года, — кивнул Роуэн. — Если папоротник растет здесь так же, как в Рине.

— Все равно, надо смотреть в оба, — мрачно заметил Морелюб.

Они двинулись вперед, по щиколотку утопая в буром лиственном перегное. Крупные серые мотыльки незряче порхали над тропой, мягкими крыльями задевая лица путников.

Роуэн напряженно вглядывался в полумрак, стараясь не пропустить следующей серебристой вспышки. Из-за деревьев показалась яркая зелень, и снова послышался уже знакомый вскрик птицы.

«Какой неприятный звук», — подумал Роуэн. Новая мысль пришла ему в голову, но он тут же напрочь о ней забыл, потому что вдруг прямо перед ним опять блеснуло серебром.

— Вон там! — возбужденно выкрикнул он и бросился вперед.

Ясинка, Морелюб и Угрюм поспешили за ним. Впервые кандидатам пришлось труднее, чем Роуэну. Их ноги в легкой обуви увязали в мягком перегное.

На бегу Роуэн чувствовал запах влажной земли, мешавшийся с другими лесными запахами. Пахло молодой листвой, папоротником, грибами... и чем-то еще. Роуэн попытался понять, что же это такое. Сладкий густой аромат. Может быть, лесные цветы? Но в Рине не было цветов с таким запахом. А аромат все усиливался.

Тропа слегка повернула и вывела Роуэна на окруженную деревьями поляну. По краям она заросла травой, а в центре ее возвышалась гладкая темная скала, по форме напоминавшая огромное спящее животное. Над поляной проглядывало бледное небо, а сбоку из-за деревьев виднелась вершина утеса.

Не было ни ветерка. Тишину нарушал лишь отдаленный шум Моря. Тихое укромное место. Роуэн заметил, что по скале растекаются блестящие струи воды.

— По-видимому, наверху родник, — негромко сказал он. — А вода в него приходит из-под земли.

Он мог и не понижать голос, но Роуэну было здесь как-то не по себе. Место казалось опасным. Возможно, из-за света, после лесного сумрака слепившего глаза. Или дело было в странном сладком аромате, доносившемся теперь отовсюду. Или просто уж слишком

странной и неподвижной казалась эта поляна.

Ясинка, Морелюб и Угрюм тоже будто потеряли дар речи. Роуэн стал медленно карабкаться на вершину скалы, и кандидаты полезли следом.

Наверху, как он и ожидал, скала образовала чашу, полную прозрачной воды. Чаша была глубокой и идеально круглой, но небольшой, так что два человека могли закрыть ее руками. Родник светился серебром. Дно его было покрыто сияющим песком.

Но в роднике было кое-что еще. Роуэн затаил дыхание, и сердце его исполнилось надежды. В глубине прозрачной воды, словно в ясном небе, покачивалась луна — белая, круглая и сияющая.

Это был цветок. Идеально круглый, с раскрывшимися лепестками, он, казалось, смотрел в небо. Сладкий тягучий аромат поднимался над водой. Тот самый запах, который Роуэн почувствовал еще в лесу.

...И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже.

— Цветы под водой расти не могут, — нарушила тишину Ясинка. В ее голосе звучала злость. Еще бы, ведь это с ног на голову переворачивало все то, чему ее учили! Ясинка знала, что цветы растут на воздухе, под открытым небом. Так было всегда. И только так и должно быть.

Морелюб смотрел на цветок с живым любопытством.

— Однако этот вырос, — возбужденно сказал он. — И это второй элемент противоядия из загадки. Мы уже обнаружили целых два — и все в одном месте! Давай, Роуэн. Сначала воду, а затем цветок.

Роуэн вытащил из кармана кувшинчик и отвинтил крышку.

«...Горсть серебристой глубины...»

Он склонился к воде, взглянул на свои пальцы и заколебался...

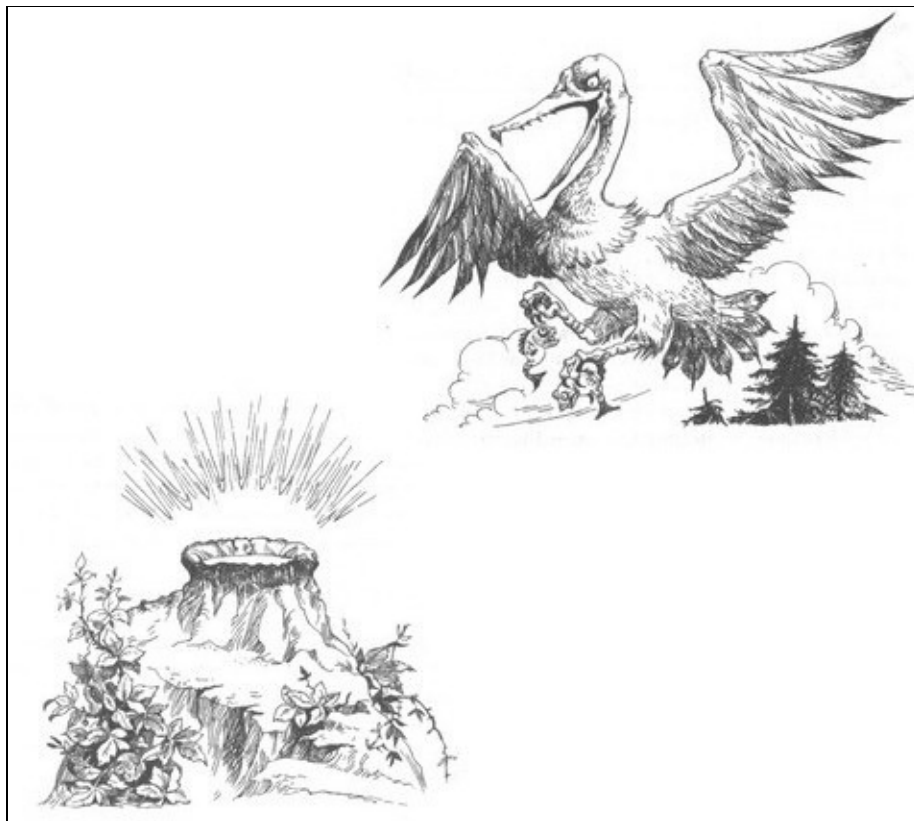
— Подожди, — промямлил Угрюм, коснувшись его руки. — Помнишь, в стихе говорилось...

Роуэн едва его слышал. Он заворожено смотрел на родник, потому что внезапно лунный цветок исчез. Вода больше не была прозрачной. Она стала серебристой!

Роуэн обернулся к Морелюбу и увидел, что тот изменился в лице. И тут же сильные руки прижали его к земле.

— Берегись! — завопил Морелюб.

Раздался пронзительный крик. Крылья с шумом разрезали воздух над их головами. Потом послышался всплеск, и брызги воды растеклись по камню. А затем огромная зеленая птица взмыла ввысь и направилась обратно к вершине утеса, унося в когтях несколько извивающихся рыбешек. Роуэн в жизни не видел таких больших птиц — размером она была почти с него самого!

Морелюб нервно рассмеялся:

— Я-то решил, что она на нас нападает. А ей всего лишь вздумалось перекусить! И накормить птенцов. Теперь понятно, почему Орин говорил о «голодной луже».

Угрюм начал что-то говорить, но Ясинка его перебила. Она уже поднялась на ноги и теперь испуганно указывала на воду.

— Смотрите, она прямо светится! — воскликнула она. — Что это?

Роуэн снова склонился над родником. Его так и обдало ароматом цветка. Вода походила на расплавленное серебро. Она была того же цвета, что и рыба чешуя или плащ Ясинки, и до того ярко сверкала на солнце, что на нее было больно смотреть.

И тут же Роуэн догадался, в чем дело. Спасаясь от птицы, рыбешки ушли на глубину и взбаламутили на дне чаши сияющий песок.

«...Горсть серебристой глубины...»

— Морелюб! — выкрикнул он. — Быстрее! Пока серебро не осело, зачерпни пригоршню воды.

Морелюб в недоумении уставился на него.

— Моя рука не годится, — возбужденно продолжал Роуэн, — я это понял, перед тем как появилась птица. У меня ничего не выйдет! В стихотворении говорится о руке водяного человека. С перепонками, как у Орина.

Морелюб кивнул и бросился к чаше.

— Нет!

Угрюм попытался его удержать, но было уже поздно: Морелюб погрузил свою руку в воду. Роуэн держал наготове кувшинчик. Водяной человек начал медленно поднимать руку из воды, как вдруг завопил не своим голосом. Он резко дернулся, и серебристая жидкость подпрыгнула у него на ладони. Кисть руки и запястье Морелюба были покрыты множеством извивающихся рыбешек. Даже в воздухе они продолжали вгрызаться в его плоть, а затем падали в лужу вместе с каплями бледной крови.

Ясинка взвизгнула от ужаса.

— Голодная лужа, — проговорил Угрюм.

— Роуэн, подставляй кувшинчик! — скомандовал Морелюб, содрогаясь от боли. — Ради Орина, скорее! Они же меня съедят живьем!

Роуэн мгновенно протянул кувшинчик, и Морелюб, придерживая здоровой рукой окровавленное запястье, бережно перелил воду.

Рыбешки продолжали падать вниз. Кровь из ран капала в воду, которая будто кипела от голодных тварей.

Со стоном Морелюб отступил назад. Он оторвал от руки последних кровопийц и отбросил их прочь. Он едва держался на ногах, и лицо его было бледнее, чем подбрюшье у рыбы.

Роуэн бросился к нему и помог ему сесть, а затем лечь на землю. Осторожно он повернул перепончатую руку Морелюба и чуть не завопил от ужаса при виде глубоких ран. Рыбешки действительно были способны в один миг обглодать с костей мясо.

— Возьми мазь и бинты, — попросил Морелюб. — Они в кармане плаща.

Роуэн отыскал баночку с бурой мазью и шелковистый бинт. Ясинка и Угрюм придвинулись поближе.

— Я помогу, — предложила Ясинка и потянулась к бинту.

— Нет! — слабым голосом вскричал Морелюб и здоровой рукой вцепился в рукав Роуэна. — Роуэн! Не позволяй им ко мне прикасаться! Не подпускай их к моим вещам!

Ясинка так и отпрянула.

— Я не причиню тебе вреда, человек из рода фисков, — нахмурилась она. — Это запрещено. Да и нет никакого смысла: ты сам уже навредил себе больше, чем кто-либо другой.

Роуэн принялся смазывать руку Морелюба. Он действовал со всей осторожностью, но Морелюб закрыл глаза и морщился от боли.

— Морелюб пострадал из-за меня, — проговорил Роуэн. — Поверхность воды была покрыта рябью — и это при полном безветрии. Но я не обратил на это внимания. И даже когда птица вытащила из воды рыбешек, я не подумал об опасности. Я пренебрег предостережением в стихотворении Орина. А ведь он не просто так назвал родник голодной лужей. — Тут он поднял глаза на Угрюма. — А ты обо всем догадался и пытался меня предупредить. Как жаль, что я тебя не послушал!

— Мне надо было действовать решительнее, — сказал Угрюм, — но я не был уверен до конца. Просто возникло ощущение, что что-то неладно.

Он задумчиво посмотрел на бледное лицо Морелюба.

Даже сейчас Угрюм не утратил своего обычного спокойствия. Похоже, он не особенно печалился из-за того, что произошло с Морелюбом.

«Кажется, он вообще не способен кому-нибудь сочувствовать, — удивленно подумал Роуэн, бинтуя трясущуюся руку Морелюба. — Быть может, втайне Угрюм даже радуется несчастью. Уж не специально ли он не спешил предупреждать об опасности? Или в жизни Угрюма было столько боли и смертей, что теперь его трудно пронять какой-то там раной? Я ведь, в сущности, ничего не знаю про этих людей, — размышлял Роуэн. — И как же я сумею правильно выбрать правителя водяного народа? — Он постарался не думать об этом. — Сейчас важно спасти маму. Остальное потом».

Итак, они раздобыли первый элемент для эликсира. Теперь дело за следующим.

...И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже.

Только что все выглядело так просто. Надо всего лишь опустить руку в покрытую легкой рябью прозрачную воду и сорвать цветок.

Но теперь... кто решится на это?

Никто.

14. Голодная лужа

Роуэн забинтовал руку Морелюба и закрепил ее на перевязи.

Тем временем Морелюб с отвращением смотрел на валявшихся на камне рыбешек. У них были прозрачные тонкие тельца и большие круглые головы, а в пасти у каждой рыбки умещалось по два ряда зубов.

— В жизни не видела ничего похожего, — сказала Ясинка. — А ведь их там тысячи. — Она вскарабкалась на скалу и заглянула в родник. — Вода опять прозрачная, — сообщила она.

Роуэн подошел посмотреть. Да, теперь вода снова успокоилась. Серебристый песок осел на дно. От крови Морелюба не осталось и следа — рыбешки с ней моментально справились.

Лунный цветок заманчиво покачивался в чуть подрагивающей воде. Кажется, протяни руку — и сорви. Совсем просто! Несколько минут назад Роуэн так бы и поступил.

— Надо сломать стебель двумя палками и вытащить цветок на поверхность, — предложила Ясинка.

Роуэн покачал головой:

— Боюсь, так нельзя. В стихотворении говорится о слезах цветка. Наверно, это сок, который будет из него капать, а если мы сломаем стебель палками, все уйдет в воду. Стебель надо сломать рукой и крепко его зажать, чтобы сок не вытек.

Серый мотылек, из тех, что порхали в лесу, подлетел к роднику, привлеченный сладким ароматом цветка. Рябь побежала по воде. Она словно источала волны запаха. Мотылек завис над водой. Его крыло коснулось воды и...

В мгновение ока он исчез. Родник забурился, словно закипая. А затем вода успокоилась и снова стала чистой и прозрачной.

Роуэн ощутил приступ тошноты.

«В мире все так и происходит, — сказал он сам себе. — Рыбешки едят мотыльков. Птица ест рыбешек. Этим они и живут». Но все равно ему было ужасно жалко беззащитного мотылька.

— И как же они умудрились так расплодиться, если едят только мотыльков? — удивилась Ясинка.

— Надо придумать, как с ними справиться, чтобы сорвать цветок, — с трудом выговорил Роуэн.

— Есть только один способ одолеть рыбешек, — твердо сказала Ясинка. — Их надо выловить. Поймать сетью — всех до единой.

— Откуда же мы возьмем сеть? — вступил в разговор Угрюм.

— У нас нет хорошей сети, это верно, — нетерпеливо ответила Ясинка, закутываясь в свой серебристый плащ. — Но если мы сложим вместе те сетки, что у нас есть, так, чтобы ячейки пересекались, то, думаю, у нас все получится.

Угрюм посмотрел на небо.

— Вы бы лучше отошли, — посоветовал он. — Птица возвращается.

Роуэн и Ясинка поспешно спрыгнули со скалы.

Роуэн обернулся и увидел, что птица с огромной скоростью несется к роднику. Рыбешки ринулись на дно, и вода опять стала серебристой. Внезапно птица изменила курс и с

пронзительным криком устремилась прямо на Роуэна и Ясинку.

— Ложись! — завопил Роуэн и толкнул Ясинку на землю.

Как раз вовремя. Прямо над головой у них раздалось щелканье клюва, прошумели крылья и пронеслись острые когти птицы. Роуэн ошеломленно посмотрел ей вслед.

— Что это с ней? — поразился Морелюб.

— Не знаю, — пролепетал Роуэн. — Видимо, она приняла нас за врагов.

Ясинка, бледная и трясущаяся, поднялась с земли.

— Поскорей бы отсюда уйти, — сказала она и вытащила из кармана тонкую сеть. — А для этого я попрошу кандидатов из рода панделлисов и рода фисков одолжить мне их сети. Тогда я смогу очистить воду.

Не говоря ни слова, Морелюб здоровой рукой вытащил сеть — еще тоньше, чем у Ясинки. Угрюм помедлил, но последовал его примеру.

Ясинка положила все три сети одна поверх другой и связала их углы. Теперь даже мелким рыбешкам было не улизнуть.

Ясинка подняла сеть и взглянула на видневшуюся за деревьями вершину утеса. Зеленая птица с пронзительными воплями сражалась со своей же соплеменницей, осмелившейся залететь на чужую территорию.

— Похоже, ей сейчас не до нас. Не будем терять время. — С этими словами Ясинка подошла к краю каменной чаши и опустилась на колени.

Роуэн и Угрюм поспешили следом. Они встали вокруг родника и расправили сеть.

— Опускаем сеть, вытаскиваем рыбешек, выбрасываем их подальше и как можно скорее начинаем все заново, — распорядилась Ясинка. — У нас уйдет много времени, чтобы выловить всех до единой, — Она оглянулась на Морелюба, который беспомощно наблюдал за ними, баюкая больную руку. — Предупреди нас, как только увидишь, что сюда летит птица, — велела Ясинка. — Думаю, тебе будет приятно сделать что-нибудь полезное.

«Неплохо у нее получается командовать», — про себя заметил Роуэн.

— Готовы? — спросила Ясинка. — Начали!

Они опустили сеть, и тут же вода забурлила.

Сеть натянулась.

— Вверх! — крикнула Ясинка, и они потянули сеть.

Роуэн ожидал, что сеть окажется нетяжелой, но она вообще ничего не весила. С недоумением он отпрянул назад, бессмысленно глядя на ее обрывки. Ясинка и Угрюм тоже не верили своим глазам. Центральная часть сети просто исчезла, а в роднике деловито сустились рыбешки.

— Я... я в жизни не видела ничего подобного! Мерзкие твари, — с чувством проговорила Ясинка.

Тем временем вода уже успокаивалась. И вскоре по ней вновь бежала лишь легкая рябь и можно было во всей красе разглядеть лунный цветок. От сети не осталось ни кусочка — голодные рыбешки потрудились на славу.

— Ничего не понимаю! — не унималась Ясинка. — Они сожрали сеть, но почему они не трогают цветок?

— Кажется, я знаю, в чем дело, — сказал Угрюм. — Цветок им необходим, ведь его запах привлекает мотыльков, которыми они питаются. Они сжирают все, что попадает в родник, так что вода остается чистой и цветок всегда видит солнце.

— Осторожно! — крикнул Морелюб.

Пригнувшись, они отскочили в сторону. Зеленая птица стремительно приближалась, и вода опять стала серебристой. Птица плюхнулась в воду и с криком взлетела, сжимая в когтях извивающуюся добычу.

— Птице удастся схватить рыбу, — медленно проговорил Угрюм.

— Она предназначена для этого природой! — резко сказала Ясинка. — Мы не можем сидеть здесь и ждать, пока она выловит всех до единой рыбешки.

— У кого-нибудь есть ведро, чтобы вычерпать воду? — спросил Морелюб.

Ведро не нашлось. А печальный опыт с сетью показал, что черпак из коры и листьев не подойдет.

— Я знаю! — вскочила на ноги Ясинка. — Надо засыпать родник песком и камнями! Вода перельется через край и вытечет наружу, и эти гнусные твари сдохнут!

— У нас мало времени, — возразил Морелюб. — Пройдет не один час, пока мы доверху заполним родник. И я вряд ли смогу вам помогать.

Он поморщился от боли.

— Это не важно! — раздраженно воскликнула Ясинка. — В любом случае надо их уничтожить! Это необходимо!

Роуэн покачал головой.

— Не забывай, что нам надо не уничтожить рыбешек, а сорвать лунный цветок, — медленно проговорил он. — Если мы засыплем родник, цветок тоже останется на глубине. Он будет поврежден, скорее всего сломается, и мы не сможем им воспользоваться.

— Чтобы сорвать цветок, надо уничтожить рыбешек, — всплеснула руками Ясинка. — Без этого все равно ничего не получится.

— Получится! — выкрикнул Роуэн. — Должно получиться.

— Это возможно, — добавил Угрюм, — потому что это удалось Орину. Есть же какой-то способ. Надо подумать.

Воцарилось молчание. Птица вновь подлетела к скале, покружилась над ней и, когда под ее тенью засеребрилась вода, ринулась вниз.

— Рыбки боятся птицы, — внезапно сказал Угрюм. — Стоит ей подлететь, как они прячутся в песке и пережидают, пока она не улетит.

— Ты хочешь сказать, что в этот момент мы можем спокойно сорвать цветок... — задумчиво проговорил Роуэн.

— Это же происходит в мгновение ока, — с сомнением сказал Морелюб. — К тому же не все рыбешки успевают спрятаться, ведь птица всегда улетает с добычей. Можно, конечно, рискнуть, понадеявшись, что их будет немного.

— Да вы в своем уме? — фыркнула Ясинка. — Птица разнесет вас в клочья, если вы окажетесь у нее на пути.

Все посмотрели в небо: птица вновь сражалась со своей соперницей — зеленые перья так и летели во все стороны.

«Да, — подумал Роуэн, — птица ничуть не менее опасна, чем прожорливые рыбешки. Морелюб тоже прав: в тот короткий промежуток, когда птица парит над родником, далеко не все рыбки успевают спрятаться в песке... Но ведь они пытаются укрыться. Они чувствуют опасность. Точно так же дрозды на полях в Рине взлетают, стоит кому-нибудь появиться неподалеку. Или когда Джиллер устанавливает...»

У Роуэна перехватило дыхание.

— Придумал? — спросил Угрюм.

— Да, — ответил Роуэн. — Мне нужен нож. И плащ Морелюба. И еще длинные прямые палки.

15. План действий

Зеленая птица уже не раз подлетала к роднику, а Роуэн все еще возился со своей работой и никак не мог ее закончить.

— Быстрее, ради Орина! — то и дело говорил Морелюб, с беспокойством поглядывая на солнце.

Роуэн старался как мог. Он и сам понимал, что время не ждет. Но нужно было сделать все как следует, иначе ничего не получится.

Наконец Роуэн завязал последний узел и разогнул спину. Ясинка, Морелюб и Угрюм молча уставились на изготовленную им фигуру. Сделанная из зеленого плаща Морелюба, она, словно воздушный змей, крепилась на палках, а по форме напоминала птицу.

— И как тебе такое пришло в голову? — подивился Морелюб.

— Моя мама делает из палок каркас и одевает его как человека, чтобы отпугивать с поля дроздов, — объяснил Роуэн и поднял чучело.

— Ну, этих тварей так просто не проведешь, — заявила Ясинка.

— Надеюсь, у нас получится, — сказал Роуэн. — В Рине это не срабатывает со старыми птицами. Но молодые, которые еще не умеют отличать настоящую опасность от мнимой, пугаются. Я думаю, эти рыбешки похожи на молодых птиц. Ведь никто не пытался их обхитрить со времен Орина. — Он поднес чучело к роднику и внимательно посмотрел на небо. Птицы нигде не было видно. — Теперь пора, — подозвал он остальных. — Быстрее! А то подлетит настоящая птица, да и солнце скоро сядет. Нужно, чтобы тень чучела упала на поверхность воды.

Угрюм и Ясинка встали в нескольких шагах от родника и за края крыльев подняли чучело над головами. Роуэн лег на камень с другой стороны, не спуская глаз с лунного цветка. Морелюб, морщась от боли при каждом движении, присел рядом, держа наготове кувшинчик.

...И слезы горькие луны —
Сорви ее в голодной луже...

— Давайте! — шепотом сказал Роуэн.

Ясинка и Угрюм двинулись вперед, и тень птицы упала на поверхность воды. В одно мгновение вода замутилась, а затем засверкала. Рыбешки поспешно спрятались в песке.

— Подожди, — проговорил Угрюм. — Пусть спрячутся все.

Рука у Роуэна дрожала. Он медленно сосчитал до пяти. Ждать дольше было выше его сил. Он крепко сжал зубы и опустил руку в холодную серебристую воду. Глубже... глубже... Каждый миг он ожидал почувствовать резкую боль, означающую, что рыбешек не удалось одурачить и они покидают укрытие.

Роуэн нащупал гладкий и твердый стебель лунного цветка и попытался согнуть его, но стебель не ломался.

— Ну быстрее! — взмолился Морелюб.

В отчаянии Роуэн припал к роднику, засунул в него вторую руку и принялся раздирать стебель ногтями. Лицо и грудь Роуэна были в воде. Если сейчас появятся рыбешки...

Наконец стебель сломался. Роуэн одной рукой зажал отломанный конец стебля, другой

вцепился в цветок и резко подался назад. И как только белые лепестки показались над поверхностью воды, нестерпимая боль пронзила руки Роуэна. Он услышал, как вскрикнули Ясинка и Морелюб, и ощутил густой одуряющий аромат уже начинающего увядать цветка. Роуэн взглянул на свои руки — они были облеплены множеством извивающихся рыбешек.

От резкой боли он едва понимал, что происходит. Но Морелюб окликнул его и подставил кувшинчик.

«...И слезы горькие луны...»

Роуэн поднял цветок над кувшинчиком и передвинул чуть выше пальцы, сжимавшие конец стебля.

Драгоценные капли упали в кувшинчик. Они смешались с серебристой жидкостью и окрасили ее в голубой цвет. Сияюще голубой, как плащ Угрюма. Голубой, словно небо и море.

— Ну вот и все. — Угрюм завязал бинт.

— Спасибо, — сказал Роуэн.

В его руках все еще пульсировала боль. Но мазь помогала, и ему уже стало легче.

Роуэн посмотрел на пожелтевший цветок, валявшийся под ногами.

«Как жаль, что пришлось его погубить».

Угрюм проследил за его взглядом и неожиданно улыбнулся.

— Иди сюда, — поманил он мальчика.

Роуэн встал и подошел к роднику. На большой глубине в прозрачной воде сиял белый лик нового лунного цветка.

— В самом основании стебля была почка, — пояснил Угрюм. — Она раскрылась в тот самый миг, когда успокоилась вода. Я видел, как это произошло. Настоящее чудо!

— Чудо! — раздраженно воскликнула Ясинка. — Как ты можешь называть такую гадость чудом?

— Цветок не гадость, — серьезно ответил Угрюм. — Он растет на своем месте. Он просто живет. Как рыба в воде и птица на утесе, как ты и я.

— Ты ни на минуту не забываешь, что ты кандидат, Угрюм из рода панделлисов, — холодно усмехнулась Ясинка. — Ты уже хорошо изучил характер этого Оракула! И теперь ты говоришь то, что должно ему понравиться.

— Вовсе нет, — нахмурился Угрюм. — Я говорю то, что думаю.

Ясинка недоверчиво засмеялась и уселась у края скалы.

Роуэн быстро взглянул на Угрюма и тут же отвернулся. Внезапно он с ужасом осознал, что перестал быть настороже. Он позабыл, что его спутники ему не друзья и даже помогают не по своей воле. Он позабыл слова Жемчужника о том, что кандидатов с детства обучают хитроумию и они будут лукавить, лишь бы угодить Оракулу. Он совсем позабыл, что один из них отравил его маму...

Но теперь-то Роуэн обо всем вспомнил и вновь ощутил гнев. Руки пульсировали от боли, но сердце болело еще сильнее. Роуэн поднял голову и, избегая смотреть в глаза кандидатам, громко заявил:

— Теперь надо разгадать третью загадку.

И новым драчуна пером

Ты все перемешай. Притом

Три раза. Медленно к тому же, —

эти слова тихо произнес Морелюб. — По-моему, Роуэн, оно у нас уже есть, — добавил он и поднял длинное зеленое перо. — Птица потеряла его, когда нападала на Ясинку.

«Действительно, в стихах говорится о пере, — подумал Роуэн. — И птицу можно назвать драчливой — это верно. Два других элемента мы тоже раздобыли в этом месте. Вполне возможно, что с третьим будет то же самое. А четвертый?» Роуэн зажмурился. Больше всего на свете ему хотелось навсегда забыть о четвертом элементе.

Он протянул руку и взял у Морелюба перо. В это время к скале опять приблизилась птица, и все поспешно отпрянуло. Но птица не обратила на них ни малейшего внимания. Она, как обычно, плюхнулась на воду и умчалась прочь.

Роуэн открутил крышку кувшинчика, опустил острие пера в голубую жидкость и стал мешать. Раз, другой, третий. Ничего не произошло.

«Может быть, надо чуть-чуть подождать», — подумал Роуэн. Он поставил кувшинчик на камень и стал внимательно за ним наблюдать.

Постепенно жидкость успокоилась, но цвет ее не изменился. Без единого слова Роуэн перевернул перо, запихнул его широкой стороной в горлышко кувшинчика и опять помешал. Затем снова стал ждать.

Прошло несколько томительных минут, и Роуэн понял, что все впустую. Он медленно закрутил крышку.

Трое кандидатов смотрели на него с недоумением. Они видели, что что-то не так, но не понимали, в чем дело.

— Жидкость должна была стать зеленой, — объяснил Роуэн.

Он старался говорить твердо, как человек, которому подвластно все. Но голос его дрожал от разочарования.

— Значит, в стихах говорилось совсем не об этом пере, — сказал Морелюб. — Жаль. А я-то думал...

— Я тоже, — вставил Угрюм.

Он быстро взглянул в глаза Роуэна, прочитал в них недружелюбие и снова уставился себе под ноги.

— А я нет, — заявила Ясинка. — По-моему, обыкновенное птичье перо в эликсир ничего не добавит. Перья используют для украшения, и иногда ими пишат. И все.

Роуэн в задумчивости теребил перо. Что бы там ни говорила Ясинка, он был убежден, что в стихах Орина речь шла именно о пере зеленой птицы. Роуэн еще раз повторил про себя строки. В точности ли он следовал указаниям?

И новым драчуна пером
Ты все перемешай. Притом
Три раза. Медленно к тому же.

Он перемешал жидкость пером. Ровно три раза. Медленно. Сделал все как надо. Ничего не забыл.

И тут Роуэна осенило: осталось невыполненным еще одно указание!

Роуэн вздохнул. По крайней мере, теперь он знал, что нужно делать.

16. Драчливая птица

«Новое перо» — все дело было в этих двух словах.

— Перо кое-что может добавить в эликсир, — сказал Роуэн Ясинке. — На нем сохраняется жир, из-за которого птица не мокнет в воде. Но он есть только на пере, которое недавно выпало из крыла. Видимо, на воздухе жир быстро высыхает.

Все четверо как один посмотрели вверх — а там, над утесом, в тускнеющем небе, пронзительно вскрикивая, птица сражалась с соперником. Из ее крыла выскользнуло перо и, кружась, стало медленно опускаться вниз — прямо в Море.

— Перья летят, только когда птицы дерутся, — заметил Угрюм.

— Мы не сможем вскарабкаться на утес, Угрюм из рода панделлисов, — раздраженно сказала Ясинка. — Руки водяных людей не приспособлены для лазанья по скалам. А Оракул не справится в одиночку.

— Я был бы не в своем уме, если бы отважился на такое, — нехотя согласился Роуэн. — Мне не хватит сил, чтобы туда залезть. Да и руки у меня болят. К тому же я боюсь высоты, так что неминуемо разобьюсь.

Кандидатов это признание несколько не удивило.

«Ну еще бы!» — сообразил Роуэн. Это Жемчужник был поражен, до чего Роуэн отличается от остальных жителей Рина. Но кандидаты знают о нем все. Наставники предупредили их, что Роуэн не похож на своих сильных и смелых соплеменников.

Роуэн покраснел. Он так до конца и не свыкся с тем, что он не такой, как другие. В который раз за этот день он пожалел, что рядом нет Силача Джона. Он не стал бы тратить время на пустые разговоры: он был бы уже на полпути к вершине утеса.

— Птицы дерутся над Морем, и перья падают в Море, — сказал Угрюм. — Даже если бы мы взобрались на утес, то вряд ли сумели бы поймать перо.

— Ну и что ты предлагаешь? — нетерпеливо спросил Морелюб.

— Надо дожидаться, пока птица сама к нам прилетит, — спокойно ответил Угрюм. — Это скоро произойдет, ведь ей нужна рыба.

— Вот тут-то мы ее поймем, — решительно кивнула Ясинка. — И вырвем у нее перо.

— Да чем же мы ее поймем? — с трудом сдержал улыбку Роуэн.

— Сетью, ясное дело, — ответила Ясинка. — Чем же еще... Ой! — осеклась она.

— Благодаря твоему эксперименту, Ясинка, сетей у нас, увы, больше не осталось, — усмехнулся Морелюб.

Раздосадованная Ясинка отвернулась.

— Все очень просто, — объяснил Роуэну Морелюб. — Когда птица приблизится к нам, мы не убежим от нее, а, наоборот, вступим с ней в бой.

Роуэн с благодарностью посмотрел на него. Пусть рядом нет Силача Джона — Морелюб хоть в чем-то может его заменить.

— Ты что, спятил, Морелюб из рода фисков? — резко обернулась к нему Ясинка. — Или ты настолько вжился в роль, которой тебя научили наставники? Уж не возомнил ли ты себя тем бесстрашным героем, которых так ценят в Рине?

Еще одно разочарование!

«Морелюб — не Джон, — напомнил сам себе Роуэн. — Он же водяной человек! У них в чести хитрость, а не сила. Правду говорит Ясинка, Морелюб — искусный притворщик!»

Но Морелюб с презрением посмотрел на Ясинку.

— Ты сама спятила, Ясинка из рода умбров, — холодно проговорил он. — Я такой, какой есть. И если нам нужно перо, которое только что выпало из крыла птицы, я готов сражаться, чтобы его добыть.

— У тебя осталась одна здоровая рука, — не унималась Ясинка.

— Значит, ею я и обойдусь, — сказал Морелюб и вытащил нож.

— Птица приближается, — предупредил Угрюм.

Стараясь не обращать внимания на боль в руках, Роуэн схватил палку и помчался к роднику. Угрюм чуть помешкал, затем обнажил кинжал и бросился следом. Ясинка закуталась в свой серебристый плащ и отвернулась.

Роуэн, Морелюб и Угрюм плечом к плечу застыли в ожидании птицы. Она неслась прямо на них, с шумом рассекая воздух.

«Она просто гигантская, — поежился Роуэн, — и когти у нее острые как ножи».

— Отойди, Роуэн! — громко сказал Морелюб. — Мы сами сразимся с ней, а ты попытайся вырвать перо, пока мы...

Его голос потонул в пронзительном злобном крике. Птица была уже над ними. Ее глаза мутно блестели от бешенства. Роуэн отпрянул, и огромное крыло прошумело у него над головой. И тут он внезапно понял, что птица пролетела мимо него и теперь несется на Ясинку, которая, отвернувшись, стоит неподалеку.

— Ясинка! — заорал Роуэн. Она подняла голову и, сообразив, в чем дело, мгновенно распласталась на камне. Птица, громко щелкая клювом, промчалась прямо над ней и, задев ее когтями, взмыла вверх.

Роуэн кинулся к Ясинке, которая уже поднималась на ноги, потирая ушибы и ссадины.

— Что случилось? Почему это она на меня? — дрожащим голосом выговорила Ясинка.

— На нас она вообще не обратила внимания! — выкрикнул Морелюб. — А ведь мы преграждали ей путь к луже.

— Один раз птица уже нападала на Ясинку, а остальных не тронула, — задумчиво проговорил Роуэн.

— Но почему? Почему? — Ясинка испуганно посмотрела вверх и тут же прижала палец к губам. — Она возвращается! И опять летит на меня!

Действительно, высоко в небе птица парила кругами, готовясь к следующей атаке.

— Спрячься в лесу, — велел Роуэн. — А мы попробуем ее удержать.

Ясинка, прихрамывая, заторопилась к деревьям. От быстрого движения ее серебристый плащ надулся и вспыхнул на солнце, и по блестящей поверхности побежали колеблющиеся искаженные отражения скалы, неба, крошечной птицы и огромных Роуэна, Угрюма и Морелюба.

— Ясинка! — что было сил завопил Роуэн. — Снимай плащ! Живо! — Ясинка в недоумении остановилась, но Роуэн уже мчался к ней, призывая за собой остальных. — Твой плащ — он же как зеркало, — объяснял Роуэн, поспешно распутывая завязки. — Когда ты поворачиваешься спиной, птица видит собственное отражение. Но она-то думает, что это ее соперник, и нападает на него.

Теперь Ясинка и сама торопилась избавиться от плаща. Она сбросила его на землю и отскочила в сторону.

Как раз вовремя. Птица была уже рядом.

— Нельзя упускать такой возможности! — воскликнул Угрюм и схватился за край

плаща. — Отойди, Ясинка! Морелюб, берись за другой конец!

Морелюб повиновался, и они расправили плащ. Отражение птицы на ткани плаща все увеличивалось, делая серебристую поверхность зеленой. С леденящим душу криком птица обнажила когти. Она бешено махала крыльями. Еще бы! Враг посмел вторгнуться на ее территорию! Он вроде тех, кто иногда появляется в луже, только гораздо больше. Он тоже бьет крыльями и выпускает когти и не собирается отступать.

Хлопая огромными крыльями, птица с клетотом принялась рвать когтями плащ. Угрюм и Морелюб едва удерживались на ногах, стараясь не выпустить его из рук.

Птица чуть отпрянула назад и с новой силой бросилась на мнимого соперника. С замиранием сердца Роуэн заметил, как на землю медленно упало зеленое перо.

— Оставьте плащ! — скомандовал он. — Бросьте его на землю!

Угрюм и Морелюб отшвырнули плащ в сторону. Птица подлетела к нему и торжествующе стала раздирать его на клочки.

Роуэн подполз к перу. Забинтованной рукой он задел за камень, и слезы покатались у него из глаз. Он вытащил из кармана кувшинчик и дрожащими пальцами отвинтил крышку.

И новым драчуна пером
Ты все перемешай. Притом
Три раза. Медленно к тому же...

Перо было еще теплым. На его гладком острие блестела капля жира. Роуэн окунул перо в голубую жидкость. Затаив дыхание, он принялся медленно ее перемешивать. Раз, другой, третий.

Он поставил кувшинчик на камень и крепко зажмурился, не осмеливаясь посмотреть, получилось ли что-нибудь на этот раз. Но тут же раздались три радостных возгласа, и глаза Роуэна распахнулись сами собой.

Стеклянный кувшинчик сиял изумрудным светом. Зеленым, словно листья на деревьях. Зеленым, словно перья драчливой птицы. Зеленым, как трава, что растет на лужайках Рина.

17. Чудовище из страшных снов

Теперь настало время лечить Ясинку. Она ободрала о камень руки, и птица расцарапала ей плечи и спину.

Ясинка не позволила никому, кроме Роуэна, дотронуться до себя и сидела очень прямо, пока он сквозь разрывы в одежде смазывал ее раны. Должно быть, мазь жгла, но Ясинка ничем не выдавала своей боли.

Угрюм и Морелюб стояли поодаль. Морелюб все поглядывал на небо и наконец сказал:

— Надо как можно быстрее отыскать последний элемент эликсира. Скоро ночь. Уже темнеет.

Роуэн понимал, что все мысли Морелюба устремлены к уходящей из жизни Хранительнице, но сам он мог думать только о маме. Сколько времени прошло с тех пор, как он ее покинул?

— К этому времени избрание должно было завершиться, — проговорила Ясинка. — Оракул должен был огласить имя нового Хранителя.

— Откуда Хранительница знает, что умрет на рассвете? — спросил Роуэн.

— Так было всегда, — ответила Ясинка. — Такова тайная сила Кристалла. Избрание всегда происходит в одну-единственную ночь в году — в полнолуние этого месяца. Ведь именно в этот день Орин обрел Кристалл. Но прежде пламя над пещерой Хранителя всегда вспыхивало еще до заката.

Она с осуждением посмотрела на Роуэна.

— Я не виноват, что осталось так мало времени, — с негодованием ответил Роуэн. — Мы вышли из Рина тотчас, как только нас призвали. И я никого не просил подсыпать моей маме яд.

В ушах у него зазвучали последние строки из стихов Орина:

Чудовище из страшных снов
Добавит в зелье каплю яда.
Волшебный эликсир готов.
Прозрачен и открыт для взгляда.

Что это за чудовище? Чего Роуэн боялся больше всего? Больше всего на свете он боялся, что не выполнит свой долг. Тогда мама умрет. И он не успеет избрать Хранителя. И Кристалл померкнет. Из-за Роуэна Водяная страна и Рин неотвратимо окажутся под угрозой нападения зиаков. И сам он, и Силач Джон, и Аннад, и все их друзья будут убиты или попадут в рабство. Враги разрушат деревню и разорят прекрасную долину... Сколько раз по ночам Роуэну снились кошмары о гибели Рина!

Но в стихах Орина говорилось вовсе не об этом. Орин имел в виду совсем другой страх, другое чудовище. Ведь Орин был водяным человеком, и загадка предназначалась для его соплеменников.

Роуэн внимательно посмотрел на Угрюма, Морелюба и Ясинку, на их бледные напряженные лица и неподвижные глаза.

— Что вы видите в самых страшных снах? — спросил он.

После короткого замешательства все трое в один голос ответили:

— Великого Змея.

Роуэн тяжело вздохнул. Именно этого он и ожидал, но все равно до последней секунды надеялся...

— Из пасти Великого Змея сочится яд, — сказал Угрюм. — Я думаю, в стихах Орина говорится об этом. Для эликсира нужна капля яда.

Ясинка и Морелюб кивнули.

Повисло тяжелое молчание. На поляне было сумрачно и тихо. Драчливая птица больше не кричала и не прилетала к луже. Должно быть, она уже отправилась спать в свое гнездо.

— А как нам найти Великого Змея? — наконец спросил Роуэн.

Перед глазами у него стояла картинка, которую он рассматривал в Книжном Доме. Она и тогда произвела на него гнетущее впечатление. Но теперь Роуэн буквально оцепенел от ужаса при мысли о том, что ему предстоит встретиться с чудовищем наяву.

— Море кишит змеями, их нетрудно найти, — сказал Морелюб. — Стоит только показаться на берегу после захода солнца, и они тебя сами отыщут.

— А Великий Змей? — настаивал Роуэн.

Ясинка и Морелюб посмотрели на Угрюма.

В ушах у Роуэна зазвучали слова Жемчужника: «И глаза у тебя словно у человека, который увидел Великого Змея и остался в живых. Глубокие и исполненные знания. Очень необычно в твоём юном возрасте. Я знал лишь одного мальчика с таким взором».

Роуэн обернулся к Угрюму и тихо проговорил:

— Ты его видел.

— Да, — не поднимая глаз, кивнул Угрюм.

Роуэн молчал. Он знал, что рано или поздно Угрюм продолжит.

— Это случилось ровно год назад, — наконец сказал Угрюм. — В тот день мы всей семьей вышли на лодке в Море. Было полнолуние — как и сейчас, в ночь избрания. Это был мой прощальный день.

— У каждого кандидата бывает прощальный день, — пояснил Морелюб, заметив недоумение Роуэна. — В этот день он прощается со своими родными и после живет в уединении, видится только с наставниками и корпит над книгами, усердно готовясь к избранию.

— Должно быть, это очень тяжело, — сказал Роуэн, с трудом представив себе, что значит надолго разлучиться со всеми, кого знаешь и любишь.

— Это необходимо, — заметил Морелюб.

— Уединение — важная часть подготовки к роли Хранителя, — добавила Ясинка. — Ведь новый Хранитель лишь однажды выходит наверх и предстает перед народом. Затем он навсегда возвращается в пещеру.

Роуэн содрогнулся.

— Ты хочешь сказать... Хранители больше никогда не покидают пещеру? — запинаясь, проговорил он. — Больше никогда не бывают дома, не встречаются с друзьями, не гуляют на свежем воздухе под открытым небом?

— Роуэн, им этого не нужно, — улыбнулся Угрюм. — Кристалл заменяет им все.

— Они отдают себя служению, — добавил Морелюб.

Роуэн зажмурился. «Это же все равно что быть похороненным заживо! — подумал он. — Теперь понятно, почему Жемчужник сказал, что далеко не каждый мечтает стать Хранителем».

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Угрюм. — Это не мучение, а радость.

— Это почетный долг, — заявила Ясинка. — Так было всегда.

Глаза ее сияли.

Роуэн напомнил себе, что это не его забота и не должно ему судить об обычаях водяного народа.

— Угрюм, расскажи о Великом Змее, — попросил он.

— Мы заплыли довольно далеко и уже подумывали возвращаться назад, как вдруг наша лодка дала течь. И не в одном месте, а во многих. Кто-то пробил днище, а потом очень хитро заделал дыры, так что вода начала затекать не сразу, а только когда мы вышли в открытое море.

Угрюм смотрел прямо перед собой. Он никого не обвинял, но Ясинка и Морелюб нахмурились.

— Люди из моего рода не трогали вашу лодку, — поспешно сказала Ясинка.

— Наши тоже, — проговорил Морелюб.

— Так или иначе, лодка потонула, — даже не взглянув на них, продолжил Угрюм. — Мы решили добраться до берега вплавь, но поднялись сильные волны... — Он говорил очень тихо, и Роуэн подался вперед, чтобы слышать его рассказ. — Вскоре я потерял из виду мать, отца и братьев. Из последних сил я держался на воде. А солнце садилось. И тут я услышал звук. Высокий, звенящий. Он доносился со всех сторон. С небес и из глубины Моря. Звук не умолкал и становился все громче. Он заполнил мой слух и проник в мой разум. Я не мог больше думать ни о чем другом. Это было пение Великого Змея.

Роуэн снова вспомнил картинку с лодкой и вопящими людьми. По спине у него побежали мурашки.

Голос Угрюма стал невыразительным и монотонным, как будто он в который раз повторял заученный урок.

— Великий Змей вынырнул из морской пучины. Он возвышался надо мной. Глаза его были золотистого цвета, и в них скрывалась древняя тайна. Чешуя пылала в лучах заходящего солнца. Он посмотрел на меня, и я понял, что сейчас умру.

— Но ты остался жив, — выдохнул Роуэн.

Его сердце неистово билось. Он хорошо себе представлял, что значит наяву встретиться с ночным кошмаром.

— Да, — просто ответил Угрюм. — Тьма поглотила меня. Я не знаю, что было потом. Я не помню этой ночи. Когда я пришел в себя, солнце уже взошло. Я лежал на обломке нашей лодки, и течение несло меня вдоль берега. Мои сородичи заметили меня и вытащили на сушу. Они искали и остальных, но никого не нашли... — Угрюм рассеянно взглянул на Роуэна. — Из всей семьи я остался один. И... с тех пор я сильно изменился. Я это чувствую. Да и остальные тоже это заметили. Как будто что-то исчезло... или, наоборот, появилось. Не знаю, что именно.

— Просто удивительно, что твой род оставил тебя кандидатом! — заявила Ясинка. — Разве у вас не было других, здоровых, которые могли бы занять твоё место?

— Конечно, были, — ответил Угрюм. — Я думал, что так и случится. Но мои наставники сочли, что я переменялся к лучшему. Я не поглупел, не утратил сообразительности, но стал отличаться от остальных. Наставники решили, что я стал особенным. — Странная улыбка показалась на его губах. — Лишь человек, наделенный магической силой, может увидеть Великого Змея и остаться в живых. Со времен Орина

Мудрого это не удавалось никому.

— Кое-кто говорит, что твоя история — ложь от первого до последнего слова, — не выдержал Морелюб. — И придумали ее твои наставники, чтобы произвести впечатление на людей, а главное — на Оракула. Похоже, этим ты сейчас и занимаешься.

Угрюм спокойно посмотрел ему в глаза.

— Как бы я хотел, чтобы все, о чем я рассказал, было неправдой, — проговорил он. — Тогда этот звук и желтые глаза не преследовали бы меня в ночных кошмарах, как, может быть, они будут преследовать теперь и тебя.

«Они будут преследовать теперь и тебя».

Роуэн расправил плечи. Чего бы он ни боялся и сколь бы тяжким ни казался ему груз сомнений, иного пути не было.

— Солнце зашло, — сказал он. — Время на исходе. Нужно отыскать Великого Змея. Как вы считаете, с чего нам начать?

18. Полная луна избрания

— По-моему, это невозможно, — заявила Ясинка. — Только безумец выйдет в Море ночью. Даже на лодке. А у нас и лодки-то нет. Если мы отправимся вплавь, до нас тут же доберутся мелкие змеи. Великого Змея мы так и не увидим.

В небе сияли бесчисленные звезды. В темной воде светился лунный цветок. Волны с грохотом бились о берег.

— Должен быть какой-то выход, — сказал Роуэн, глядя на Угрюма. — Ведь Орину каким-то образом удалось раздобыть четвертый элемент эликсира.

И Роуэн стал повторять про себя историю, которую ему рассказал Жемчужник:

«Тысячу лет назад, в день, когда Орин обрел Кристалл, он повстречал Великого Змея. В этот же самый день всегда происходит избрание.

Орин ловил рыбу. Солнце зашло, и он направился к дому. Великий Змей вынырнул из Моря, опрокинул лодку и погнался за Орином. Орин спасся на острове. Здесь он и нашел Кристалл».

Роуэн нахмурился. Что-то странное почудилось ему в этой истории. Что-то в ней было неправильно. Сперва Роуэн не мог понять, в чем дело, но потом догадался. Орин не мог ловить рыбу в день, когда он обрел Кристалл. Хранительница упомянула, что этот день Орин провел на острове, занимаясь приготовлением противоядия от Смертного Сна!

Что же произошло в действительности? По-видимому, Орин сказал, что отправляется ловить рыбу, желая скрыть свои подлинные намерения. Он не хотел, чтобы кто-то узнал, чем он занимается на самом деле. И разумеется, никто не усомнился в его словах.

Еще бы! Ведь Орин вернулся с Кристаллом, и все только и говорили об этом чуде. А потом Орин стал первым Хранителем. Его прозвали Орином Мудрым, и никому и в голову не приходило не верить его рассказу.

Но до того как Орин обрел Кристалл, он был самым обыкновенным водяным человеком. И тогда история о встрече с Великим Змеем становится еще невероятнее.

Неужели Орин так сильно боялся ночевать на острове, что предпочел выйти в Море ночью? Скорее всего нет. А если бы Орин и пустился в плавание, сумел бы он спастись от Великого Змея? Конечно же нет! Мысли Роуэна так и неслись. Значит, и эта часть истории — неправда: Орин не покидал на закате остров. Он не мог повстречаться с чудовищем в Море. Да вообще видел ли Орин Великого Змея? Конечно, видел. Ведь яд Змея — составная часть эликсира. Значит... значит, произошла очень странная вещь. Непонятно как, но Орин повстречал Змея на суше. На острове. Может быть, даже...

— Посмотри на луну, — тихо сказал Угрюм.

Громадная полная луна поднялась над деревьями.

Спокойная, белая и холодная, она медленно плыла в сероватом небе, словно цветок в глубине темной воды.

— Полная луна избрания, — проговорила Ясинка.

И в это мгновение они слышали странный звук, словно по земле ползло что-то тяжелое. Шум доносился со стороны лесной тропы и неуклонно приближался.

— Что это? — выдохнул Морелюб.

Угрюм на мгновение замер.

— Бежим! — заторопил он остальных. — Надо спрятаться!

Они бросились прочь от скалы и затаились среди деревьев на краю леса.

Звук все нарастал. Шорох листьев, треск кустов папоротника, ломавшихся под неимоверной тяжестью, — и вот уже Великий Змей выполз на поляну, оставив за собой расчищенную тропу, как это происходило и в прежние годы. Морская вода все еще стекала с его драконьей головы. Желтые глаза мутно блестели. Золотая чешуя сияла в лунном свете. Гигантское, словно надутое туловище извивалось кольцами.

Ужас обуял Роуэна. Но он опустил руку в карман и вытащил драгоценный кувшинчик. Осталось раздобыть последний элемент эликсира, и мама спасена. Всего лишь одна капля...

— Что он здесь делает? — испуганно прошептала Ясинка. — Зачем он выполз на сушу? Морская глубина — вот его царство. Так было всегда.

— Скорее всего он приползает сюда раз в году, — предположил Роуэн. — Так было всегда, просто никто не знал, что здесь происходит. Ведь для водяных людей остров закрыт.

В воздухе был разлит тяжелый аромат лунного цветка. Великий Змей медленно полз, с трудом передвигаясь по камням.

— Он ищет нас! — с дрожью в голосе воскликнул Морелюб.

— Нет, — сказал Роуэн, — он и не подозревает, что мы здесь. Ему нужно другое: он ищет подходящее место. Смотри.

Змей добрался до родника на вершине скалы. Желтые глаза уставились на лунный цветок в покрытой рябью воде. Затем Великий Змей поднял голову и посмотрел на луну. Он раскрыл пасть и издал таинственный вибрирующий звук, способный пронзить человека насквозь.

Угрюм обхватил голову руками и тихонько застонал. Ясинка крепко зажмурилась. Но Морелюб не отрываясь смотрел, как чудовище сворачивается кольцами вокруг родника.

— Змей откладывает яйца, — догадался он.

— Да, — подтвердил Роуэн. — Как гигантские черепахи в ваших морях. Как киррианский червь, яйца которого вы собираете каждой весной. Змей живет на глубине, но яйца кладет на суше. На этом самом месте. Здесь Орин его и нашел.

Действительно, Змей откладывал яйца. Они серебристо сияли в лунном свете. Кончиком хвоста он сметал каждое яйцо в родник, и оно уходило под воду и мягко опускалось на песчаное дно.

— Лучшего места и не придумаешь, — с восхищением проговорил Роуэн. — Здесь никто не осмелится к ним прикоснуться. А скорлупки у яиц, наверное, крепкие, как камень. Даже рыбешки их не прокусят.

Теперь Ясинка и Угрюм тоже смотрели на Змея.

— Но когда они вылупятся... — начала Ясинка.

— Когда они вылупятся, рыбешек будет уже гораздо меньше, — тихо сказал Роуэн. — Драчливая птица многих успеет выловить.

— Оставшиеся нападут на змеенышей, — продолжал Угрюм, — и многих погубят. Но кое-кто все-таки выживет, всплывет на поверхность, вылезет из родника, по тропе доползет до берега и уйдет в Море.

— А скорлупки останутся. Постепенно они изотрутся в серебристый песочек, — добавил Морелюб. — Уму непостижимо, клянусь Орином!

Он зачарованно смотрел на родник, забыв о страхе.

— Если бы не драчливая птица, здесь расплодилось бы столько рыбешек, что они смогли бы сожрать всех змеенышей, — прошептал Роуэн. — А если бы птица не защищала

родник от соперников, в нем не осталось бы ни единой рыбешки. Тогда расплодилось бы столько змей, что они заполнили бы собой все Море и уничтожили бы в нем все живое.

— В морях не осталось бы рыбы, — подтвердил Угрюм. — И у водяных людей не было бы ни еды, ни масла для светильников, ни кожи для одежды и обуви. Даже при свете дня мы не отваживались бы плавать на лодках, потому что голодные змеи способны на все. Тогда бы наш народ вымер. Да и змеи в конце концов — тоже. Ведь вместе мы составляем единое целое.

— Чепуха! — нахмурился Морелюб. — Пусть птицы едят рыбешек, а рыбешки едят змеенышей. Но зачем нужно замыкать круг? Если мы каждый год будем приходить на остров и уничтожать все яйца Великого Змея, наши моря станут безопасными. Мы сможем днем и ночью ловить рыбу — и улов будет гораздо больше, чем сейчас! Мы сможем продавать ее в другие земли и этим накормим массу народу!

— Орин запретил нам ходить на остров, Морелюб из рода фисков, — строго сказала Ясинка. — Змеи испокон веку жили в морях. Так было всегда.

Для Ясинки этого было достаточно. Но Морелюб считал иначе.

— Да почему же нам нельзя уничтожить всех змей?! — воскликнул он, — Зачем они нужны? Из-за них мы не можем ловить рыбу, когда нам вздумается.

«Неужели ты не понимаешь? — подумал Роуэн. — Это же очевидно. Ты же сам все только что объяснил».

Но он не произнес ни слова. Вместо этого он поднялся на ноги. Его била дрожь, но он знал, что надо делать. Роуэн открутил крышку кувшинчика и сделал шаг вперед.

19. Капля яда

Великий Змей повернул голову и увидел Роуэна.

— Не смотри на него! — крикнул Угрюм.

Поздно. Роуэн уже уставился в тусклые глаза Змея и не мог отвести глаз. Он словно оцепенел и утратил волю.

Сзади кто-то дернул его за рукав.

— Роуэн! — раздался сдавленный голос. — Вспомни о матери! И про яд!

Роуэн вырвался из-под власти холодного золотистого взора. Угрюм, Ясинка и Морелюб стояли у него за спиной. В лунном свете их лица казались мертвенно-бледными.

Это Ясинка окликнула Роуэна, и он смутно осознал, что наконец-то она назвала его по имени. Она с силой сжала его руку:

— Ты Оракул. Ты не должен рисковать. Я пойду вместо тебя. Моя жизнь ничего не стоит. Но если погибнешь ты, погибнет весь наш народ. Дай мне кувшинчик.

Роуэн посмотрел в ее бледные глаза. Там был страх, но была и решимость.

«Она действительно похожа на маму, — мелькнуло у Роуэна в голове. — Она всегда делает то, что считает правильным. Чего бы это ни стоило».

— Я выше и сильнее, — вмешался Морелюб, — и с чудовищем должен встретиться я. Дай кувшинчик.

Змей ждал, распластавшись на камне.

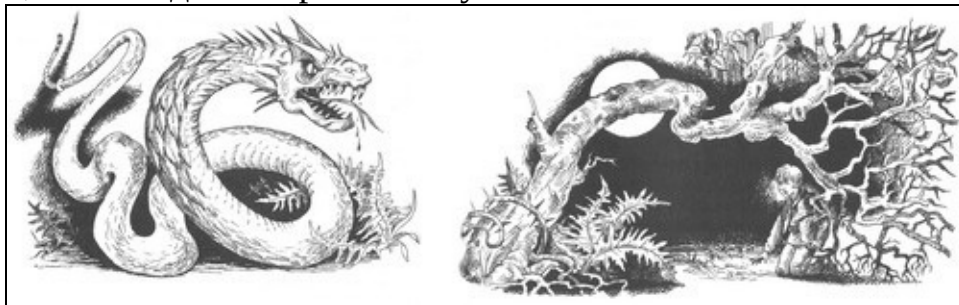
Роуэн заколебался, затем вопросительно посмотрел на Угрюма, в блеклом свете луны казавшегося маленькой голубой тенью.

— Нет, — спокойно произнес Угрюм. — Никто из нас не сможет сделать это вместо Роуэна.

Ясинка и Морелюб чуть не начали спорить, но Угрюм остановил их движением руки:

— Мы с детства приучены бояться и этого Змея, и его сородичей. А Змей знает нас, водяных людей. Знает наш запах, нашу бледную кожу, наши движения. Мы его обычная добыча. Он не раздумывая нападет на нас. Приблизиться к Змею сумеет лишь чужестранец.

— Да, это так, — со вздохом признал Роуэн.

Он опять повернулся и посмотрел на чудовище, на этот раз избегая его взгляда. Он сделал шаг вперед. Еще один. Змей не пошевелился, но открыл гигантскую пасть, в которой трепетал темный раздвоенный язык. Послышалось шипение. Глотка у Змея была желтая и гладкая, а клыки белые, с темными остриями. Из них сочился и стекал на землю яд, походивший на капли расплавленного золота.

Роуэн начал подниматься на скалу. Он чувствовал, что ступает по гладкому камню, слышал собственное прерывистое дыхание. В руках он крепко сжимал кувшинчик.

Что-то хрустнуло у него под ногой — это был высохший лунный цветок. Он уже

почернел, его лепестки скрутились, будто маленькие чашечки. Роуэн наклонился и оторвал один из них.

Тем временем Великий Змей продолжал откладывать яйца и одно за другим топил их в воде. Прямо над ним в небе застыла огромная белая луна.

Змей не отрываясь смотрел на Роуэна.

«Прав Угрюм, — подумал Роуэн, — Змей не понимает, кто я такой. Он хочет сперва отложить яйца. Он обеспокоен, но не тронется с места, если я не буду делать резких движений. Нельзя упустить такую возможность».

Роуэн подкрадывался к роднику. Все ближе и ближе... и наконец он увидел цветок, сиявший, словно отражение луны. Роуэн принялся обходить огромные кольца, опоясывавшие родник, двигаясь к голове чудовища.

Глаза Великого Змея загорелись. Он изогнул шею и издал оглушительный крик. Звук был таким сильным, что у Роуэна из глаз потекли слезы. Ему захотелось заткнуть уши, но в одной руке он сжимал лепесток лунного цветка, а в другой — драгоценный кувшинчик.

Змей снова зашипел. Он широко распахнул свои мощные челюсти, которым ничего не стоило разнести в щепы большую лодку. Язык трепетал. Зубы блестели в лунном свете, источая золотистую смертоносную жидкость.

Роуэн метнулся вперед. Он вытянул в руке лепесток лунного цветка и подхватил им большой сгусток яда. С яростным воплем Змей бросился на Роуэна. Тот отпрянул назад и упал, оглушенный душераздирающим звуком. Боль пронзила забинтованные руки. Яд шипел и дымился в лепестке. Кувшинчик опасно накренился.

Чудовище из страшных снов
Добавит в зелье каплю яда...

Роуэн испуганно посмотрел на кувшинчик. Он все еще был полон зеленой жидкости, но тут Роуэн с ужасом заметил, что яд уже прожег лепесток лунного цветка и бесценное зелье впустую льется на камень. Яд вытекал тонкой дымящейся струйкой, и лепестковая чашечка почти опустела.

— Нет! — сам того не замечая, закричал Роуэн.

— Роуэн, отойди! Беги отсюда! Ради Орина! Скорее! Он шевелится! Сейчас он...

Роуэн едва слышал крики своих спутников. Он и сам видел, что чудовище уже нависает над ним, заслоняя луну. Огромные скользкие кольца разматывались, а сочащиеся ядом челюсти открывались для нападения.

«...Каплю яда...»

Дрожащими пальцами Роуэн перевернул над кувшинчиком лепесток, и последняя золотистая капля с шипением упала в зеленую жидкость. И эликсир стал прозрачным. Прозрачным, словно вода в роднике, словно хрусталь кувшинчика. Прозрачным, как истина.

— Роуэн!

Он поспешно закрыл кувшинчик и вскочил на ноги. Спасая свою жизнь, ни на что не глядя, Роуэн отпрянул назад и съехал вниз по гладкой поверхности скалы, сжимая в дрожащих руках бесценный трофей.

Но чудовище с неистовым воем преследовало его. Роуэн чувствовал, что с каждым мгновением оно приближается и вот-вот... Ничего не осознавая, он ринулся вперед. «Но

куда теперь? В какую сторону?»

— Сюда! — послышались три голоса.

Будто сквозь пелену, Роуэн увидел, как его спутники с искаженными лицами несутся ему навстречу. Он протянул руки. Ясинка и Морелюб подхватили его и потащили прочь от скалы.

Лес был очень густым. Заросли на каждом шагу преграждали им путь. Ползучие растения хватали за руки и за ноги, цеплялись за одежду. Плотный лиственный шатер не пропускал лунного света. Ясинка и Морелюб в крошечной тьме тащили Роуэна. За ними спешил Угрюм.

Великий Змей бушевал. С шипением и воем он двигался следом, сметая все на своем пути. Свет ему был не нужен. Змей слышал шум, чуял запах и неуклонно приближался к беглецам. А они, задыхаясь и всхлипывая, на ощупь пробивались сквозь заросли, и жуткий рев Змея надрывал их слух. Так, должно быть, некогда бежал и сам Орин, спасая свою жизнь.

— Куда теперь? — прорыдала Ясинка. — Ничего не вижу!

И тут позади раздался громкий хрип.

Роуэн напряг зрение, но сперва ничего не смог разобрать в темноте, а затем увидел, что случилось. Угрюм запутался во вьющемся растении. Его шея попала в петлю. Он задыхался и дергался, и от каждого его движения петля затягивалась все туже.

Великий Змей почти что настиг беглецов. Громкий треск возвещал о его приближении. А Угрюм беспомощно повис, только-только касаясь ногами земли.

— Оставь его! — завизжала Ясинка.

Но Роуэн не мог. Он вырвался из ее хватких рук и помчался к Угрюму. Позабыв о своих ранах, он попытался разорвать упругую плетъ и тут же почувствовал дикую боль в руках.

Угрюм верещал от ужаса. И тут неизвестно откуда появившееся лезвие одним махом перерубило петлю, и Угрюм рухнул на землю. Он был не в силах пошевелиться и едва не терял сознание.

— Поднимайся! — рявкнула Ясинка.

Кинжал тускло блестел в ее руке.

Морелюб нагнулся и взвалил Угрюма на плечи.

— Скорее! — Пошатываясь под своей ношей, он побежал прочь, а Ясинка и Роуэн — следом за ним.

Они бежали в крошечной тьме.

— Оставьте меня, — надтреснутым голосом взмолился Угрюм. — Бросьте здесь. Надо спасти Оракула... и Кристалл...

— Тихо! Оракул тебя не оставит, — с трудом выговорил Морелюб.

— Сюда! Сюда! — пронзительно закричала Ясинка.

Она указала на мерцающий свет. Слабый, едва заметный, он проглядывал сквозь деревья.

— Это город! — воскликнул Морелюб.

Они бросились в ту сторону. Свет усиливался. Послышался грохот прибоя. При свете дня они ни за что бы так быстро не выбрались из леса. Но ночью огни Водяного города сияли через пролив, указывая им путь.

Змей с шипением, не отставая, полз следом. Он не привык передвигаться по суше, но теперь был разъярен и намеревался продолжить охоту.

Задыхаясь и вопя от страха, беглецы вырвались из леса и оказались на берегу. Огромные валы разбивались о скалы. Соленые брызги больно жалили в лицо. А за проливом в каждом доме сияли огни.

— Они зажгли для нас все светильники, — невнятно проговорил Морелюб, опуская Угрюма на землю. — Они... все... ждут...

— Быстрее!

Волоча за собой Угрюма, они бросились к железным воротам, распахнули их и по ступенькам скатились в темноту. И в тот самый миг, когда Великий Змей выбрался из леса, ворота с лязгом захлопнулись сами собой.

Змей яростно бил хвостом по земле. Сквозь решетку можно было разглядеть, как его драконья голова судорожно поворачивается из стороны в сторону, пытаясь напасть на след.

Дрожащие и истерзанные, беглецы прижались друг к другу. Они знали, что чудовище не сумеет пролезть в туннель. Они спасли свои жизни, как в далекие времена это удалось Орину.

Роуэн нащупал в кармане кувшинчик.

«И как Орин, — подумал он, — мы принесли с собой величайшую ценность. Если время еще не ушло...»

— Пойдем! — Эхо отразило его дрожащий голос. — Надо спешить.

20. Предательство

Из последних сил они ковыляли по туннелю, и казалось, ему нет конца. Впереди была тьма без единого проблеска.

— Где же Кристалл? — задыхаясь, проговорила Ясинка. — Почему он не светится? Мы наверняка уже подходим к пещере. Что, если...

— Хранитель жив, — твердо сказал Морелюб, — иначе люди в домах не зажигали бы для нас огней.

— Вот он! — воскликнул Роуэн и указал на слабое свечение.

Они поспешили вперед. У Роуэна тяжело стучало в висках, и он просто умирал от жажды.

Пещера была совсем рядом, но Роуэн ничего не почувствовал. На сей раз невидимая сила Кристалла не влекла его к себе и голос Хранительницы не раздавался в ушах, заглушая все мысли.

Наконец они достигли входа. Из пещеры не доносилось ни звука, лишь монотонно журчала вода. Морелюб, Угрюм и Ясинка замерли в нерешительности, а Роуэн перевел дыхание и, опасаясь самого худшего, на цыпочках вошел внутрь.

Хранительница сгорбилась в своем кресле. Кристалл едва блестел под ее руками, бросая слабый отсвет на ближайшее пространство. Остальная часть пещеры была в полумраке.

Джон с опущенной головой стоял на коленях перед ложем Джиллер. У Роуэна упало сердце.

— Итак, ты вернулся, Оракул из Рина.

Хранительница не сделала ни единого движения и даже не подняла глаз, но ее низкий голос заполнил всю пещеру.

Джон вздрогнул и вскочил на ноги. На его лице отразились недоверие и радость, и Роуэн понял, что он успел!

Он бросился к маме и склонился над ней. Да, она еще дышала. Но очень слабо, едва заметно.

У Роуэна стучали зубы. Он дрожал всем телом. Непослушными пальцами он вытащил из кармана кувшинчик и отвинтил крышку.

— Хранитель, я принес противоядие, — сказал он, оборачиваясь через плечо. — Как мне его использовать?

Хранительница и теперь не пошевелилась, но Роуэну почудилось, будто ее тонкие губы искривились в улыбке.

— Значит, правду говорят о тебе, Роуэн из Рина, что ты способен преодолеть любые препятствия, — промолвила она. — Обмакни палец в зелье — всего один раз — и смочи ей губы. Этого будет достаточно.

Жидкость в кувшинчике оказалась холодной. Она щипала палец Роуэна, пока он делал то, что велела Хранительница.

Джиллер слегка нахмурилась во сне. Затем вздохнула и облизала губы.

Джон с силой вцепился в плечо Роуэна.

— Когда? — начал было Роуэн.

— Скоро. — Голос Хранительницы звучал сухо и приглушенно, словно шелест увядших

листьев. — Смертный Сон вступает в силу лишь через два часа после того, как человек проглотит яд. Отступает он тоже не в одно мгновение, но мы не можем ждать. Я не в силах. Кристалл угасает. Мой час совсем близок. Выйди на свет.

— Избрание... — вспомнил Роуэн, с трудом поднимаясь на ноги.

Хранительница подняла голову. За спиной у нее стояли Угрюм, Ясинка и Морелюб, но не они были ей нужны. Огромные бледные глаза Хранительницы — потускневшие, как и сам Кристалл, — искали в темноте Роуэна.

— Выйди на свет, Оракул из Рина, — повторила она.

Роуэн подчинился.

Хранительница посмотрела ему в глаза.

— Пламя зажглось в чаше над пещерой — время, отпущенное на избрание, истекло, — объявила она.

От удивления Роуэн раскрыл рот. Он бросил взгляд на неподвижно стоящих кандидатов. Они тоже выглядели ошеломленными.

— Хранитель, я ведь еще и не начинал, — запинаясь, проговорил Роуэн. — Нужны испытания...

— Ваши поиски и были испытанием, — сказала Хранительница.

Роуэн воззрился на нее в недоумении. Она устало прикрыла глаза:

— Старинные испытания больше не годятся. Кандидатов на них попросту натаскивают. К тому же кандидаты изучают жителей Рина и поэтому знают, как понравиться определенному Оракулу. И еще кандидатов изолируют от сверстников, да и от самой жизни. Это неподходящий способ избирать предводителя водяных людей. Мне стало ясно, что это ошибочный путь, когда я осознала, что сама могу лишь охранять Кристалл, а на большее не способна. Я не в силах управлять водяным народом и тем более изменить его жизнь.

— Ты... — только и сумел выговорить Роуэн.

Вне себя от гнева, он оглянулся на Джиллер и Джона, который внимательно слушал Хранительницу. Внезапно Роуэн понял, в чем дело.

— Так это ты!.. — закричал он. — Это ты все задумала! Ты отравила маму!

— Как ты смеешь меня обвинять... — с угрозой в голосе произнесла Хранительница.

Но Роуэна было уже не остановить.

— Да, я тебя обвиняю! — кричал он. — Ты только что проговоришься, что яд вступает в силу лишь через два часа. Значит, маме дали яд, как только она пришла в пещеру. До того, как она познакомилась с кандидатами и отправилась на остров. — Роуэн поднял забинтованную руку и указал на Хранительницу. — Это сделала ты! Ты придумала все это! Ты обманула меня и кандидатов, и ты посмела рисковать маминой жизнью! Просто для того, чтобы устроить испытания, к которым никто не смог бы подготовиться заранее!

Хранительница открыла глаза, и на мгновение Кристалл засиял прежним зеленым светом.

— Избрание призвано выявить истину, — заявила она. — Кристалл дарует силу, мудрость и опыт. Но от Хранителя требуются проницательность и хитроумие. Хранитель должен не только уметь решать старые задачи, но и быть способным справляться с новыми. Водяной народ сможет существовать дальше, лишь если его предводитель будет изменчивым, словно Море, и отважится ходить непроторенными путями.

— Но ты чуть не погубила мою маму, — жалобно проговорил Роуэн.

— Одна жизнь ничего не стоит.

— Ты рисковала слишком многим.

— Думаю, не слишком. Я верю Кристаллу, а он сказал мне, что все будет хорошо. Что ты со всем справишься и вовремя вернешься назад. Я должна была разорвать цепи, сковывающие нас. И единственно возможный способ заключался в том, чтобы использовать тебя. Ведь ты один не похож на остальных жителей Рина.

«Они собирали сведения о тебе с тех пор, как ты появился на свет...»

Роуэн смотрел на нее во все глаза. И как это он раньше не сообразил, что уж если кандидаты хорошо осведомлены о его жизни и склонностях, то тем более об этом должна знать сама Хранительница.

— Время, отпущенное на избрание, истекло, — монотонно повторила она. — Назови имя.

Роуэн взглянул на троих кандидатов, стоявших за креслом Хранительницы.

Ясинка, Морелюб и Угрюм. Все они вызывали уважение. Они не бросили его на съедение Великому Змею. И теперь Роуэн знал, что ни один из них не заслуживает его подозрений.

Морелюб по-настоящему храбрый и сильный. Он любит жизнь, совсем как Джон. Именно за это род фисков и выбрал его кандидатом. Морелюб не похож на остальных водяных людей, но его сородичи решили, что он должен понравиться Оракулу.

Ясинка по-настоящему честная и прямолинейная. Совсем как Джиллер. Род умбров выбрал ее именно за это. Она не похожа на остальных водяных людей, но ее сородичи решили, что она должна понравиться Оракулу.

И наконец, Угрюм. Он по-настоящему умный и дельный. Его интересует, почему мир устроен так, а не иначе, и он смотрел в лицо смерти. Совсем как сам Роуэн. Род панделлисов выбрал его именно за это. Угрюм не похож на остальных водяных людей, но его сородичи решили, что он должен понравиться Оракулу.

Все трое помогли Роуэну разгадать стихи Орина и изготовить противоядие. Каждый по-своему. Но кто же из них оказался самым хитроумным и проницательным? Кто не боится ходить непроторенными путями? Ведь именно это требуется от предводителя водяного народа.

— Назови имя, — слабым голосом повторила Хранительница. — Ты... должен... сказать. Говори.

Кристалл вспыхнул с новой силой.

С лестницы послышались торопливые шаги, и через водную пелену в пещеру влетел Жемчужник.

— Паруса! — с трудом переводя дыхание, выкрикнул он. — Паруса на горизонте! Им нет числа. И они приближаются. Это зиаки!

21. Избрание

— Почему они приплыли сейчас? — воскликнула Ясинка, — Это же нелогично! Они наверняка видели пламя, возвещающее о конце избрания. Им надо было приплыть раньше, когда Кристалл ослабел и начал меркнуть, а испытание еще не состоялось.

— Говорят, они стали хитроумнее, чем были прежде. Может быть, у них есть какой-то непонятный нам замысел, — мрачно предположил Морелюб. — Или они надеются одолеть нас, прежде чем новый Хранитель соединится с Кристаллом.

— Роуэн! — закричал Жемчужник. — Назови имя! Кристалл угасает!

В тот же миг Роуэн услышал возглас за спиной и обернулся. Силач Джон склонился над Джиллер, а она открыла глаза и, улыбаясь, смотрела на него.

— Я уснула, — проговорила она, — и знаешь, Джон, мне снились такие чудесные сны. — Тут она слегка нахмурилась. — Но где я? И где Роуэн?

Волна радости наполнила сердце Роуэна. Но лишь на миг.

«Мама жива! Она проснулась, и ей хорошо. Но зибакки совсем близко. Надо действовать. Надо назвать имя нового Хранителя. Иначе Кристалл погаснет, и тогда все пропало».

Он повернулся к кандидатам.

— Хранительница сказала, что я должен выбрать самого хитроумного и сообразительного из вас, того, кто не боится ходить непроторенными путями, — поспешно проговорил он. — Она сказала, что Кристалл дарует ему все остальное. — Роуэн посмотрел в горящие глаза Ясинки. — Ты... ты очень хорошая, и ты всегда будешь делать то, что, по моему, правильно, — запинаясь, продолжил он, — но твой ум не открыт для нового. Ты слишком привязана к правилам и традициям. Поэтому, хотя я тебя уважаю, выбрать тебя я не могу.

Лицо Ясинки не дрогнуло, но она склонила голову.

Роуэн повернулся к Морелюбу:

— Ты храбрый и сильный, и ты не боишься нового. Но ты часто действуешь слишком поспешно и неосмотрительно, не так, как пристало Хранителю. Я надеюсь, что мы останемся друзьями, но выбрать тебя я не могу.

Морелюб тоже склонил голову. Однако Роуэн успел заметить в его взгляде что-то похожее на облегчение. На мгновение он удивился, но сейчас ему было не до того: главное — завершить избрание.

Он подошел к Угрюму и положил руку ему на плечо. Они посмотрели друг другу в глаза. Долго и испытующе.

«Только бы я не ошибся», — мысленно взмолился Роуэн.

— Ты должен произнести слова, — мягко напомнил Жемчужник.

Роуэн сглотнул:

— Оракул завершил избрание.

Внезапно он почувствовал, как плечо Угрюма напряглось под его рукой.

— Пусть остальные отсюда уйдут.

Угрюм будто одеревенел, и его взгляд сделался бессмысленным.

Обычно невозмутимый Жемчужник, на сей раз с трудом скрывая возбуждение, провел Ясинку и Морелюба сквозь водяную завесу и вернулся назад.

Кристалл слабо замерцал. Раз, другой, третий. Хранительница пошевелилась.

— Двери закрыты, и они не откроются до тех пор, пока того не пожелает новый Хранитель, — еле слышно промолвила она. — Надо спешить. Скоро взойдет солнце.

— Угрюм из рода панделлисов, подойди к Кристаллу, — быстро проговорил Жемчужник.

Угрюм будто во сне двинулся к креслу Хранительницы. Он неуклюже протянул руку к слабому сиянию. Роуэн с удивлением посмотрел на пустые глаза водяного человека.

«Глаза того, кто увидел Великого Змея и остался в живых».

«Все правильно, — уверил себя Роуэн. — Я не ошибся. У Угрюма есть все необходимое, чтобы быть достойным Хранителем. Он предназначен для решения этой задачи. Как и Орин, он видел Великого Змея. И после этого он изменился».

Но что-то было не так. Роуэн чувствовал это.

Тем временем рука Угрюма в нерешительности зависла над Кристаллом.

— Соединись с Кристаллом и со мной, — тихо проговорила Хранительница.

«Я тоже видел Великого Змея, — внезапно сообразил Роуэн. — Как и Ясинка, и Морелюб. Но мы-то не изменились. Почему же это произошло с Угрюмом? Что случилось с ним ровно год назад?

„Я не помню этой ночи... Я сильно изменился. Как будто что-то исчезло... или, наоборот, появилось. Не знаю, что именно“.

Что случилось с Угрюмом в Море в ту долгую ночь под светом полной луны? Под светом полной луны...»

— Стой! — Роуэн перехватил руку Угрюма.

Эхо подхватило его возглас и пронзительно разнесло по пещере. Джон и Джиллер вопросительно посмотрели на Роуэна, а Жемчужник вцепился в спинку кресла Хранительницы.

Угрюм медленно повернулся. Он незряче посмотрел сначала на Роуэна, затем на собственную руку, зажатую в его руке.

— Угрюм, ты не мог увидеть Водяного Змея ровно год назад, — с трудом выговорил Роуэн.

— Роуэн, сейчас не до того! — вскричал Жемчужник. — Ради Орина, неужели ты сам не понимаешь?! Хранитель вот-вот умрет. Надо скорее закончить избрание! Зигаки...

Угрюм открыл рот.

— Оракул завершил избрание, — тусклым голосом произнес он. — Пусть остальные кандидаты оставят Хранителя.

У Роуэна мороз пробежал по коже, но он не выпустил руку Угрюма.

— В этом месяце в полнолуние Великий Змей откладывает на острове яйца. Теперь мы точно знаем об этом. Угрюм, ты не мог повстречать его в Море!

— Роуэн! — не выдержала Джиллер. — Отпусти его!

На середину пещеры бросился Силач Джон.

— Роуэн, отпусти его руку, — умоляюще сказал он. — Сейчас это не важно. После он все тебе объяснит.

Но Роуэн понимал, что этот вопрос не терпит отлагательства.

— Ответь мне, Угрюм! — взмолился он. — Что с тобой случилось? Расскажи, что произошло той ночью. Из-за чего ты так изменился? Это был не Великий Змей.

— Великий Змей вынырнул из морской пучины, — пробубнил Угрюм. — Он возвышался надо мной. Глаза его были золотистого цвета, и в них скрывалась древняя тайна.

Роуэн слушал его с ужасом. Угрюм слово в слово повторял то, что говорил на острове. Тем же самым заунывным голосом, словно это был урок, выученный наизусть.

«Сам он верит в то, что говорит, — подумал Роуэн. — Он верит. Но ведь это неправда!»

— Чешуя пылала в лучах заходящего солнца. Он посмотрел на меня, и я понял, что сейчас умру.

— На самом деле ты видел что-то совсем другое! — не выдержал Роуэн. — Кто-то заставил тебя выучить эти слова! — Ужас ледяным обручем сковал сердце Роуэна. — Угрюм! — воскликнул он. — Кто повредил вашу лодку? Кто поджидал тебя в Море? Кто подобрал тебя и продержал всю ночь, а потом отпустил, оставив только ложные воспоминания о случившемся?

Но Роуэн уже и сам знал ответ. Испуганно взглянув на Жемчужника, он понял, что тот тоже догадался, в чем дело. Есть лишь одно объяснение: «Они становятся все хитроумнее...»

— Тебя подобрала зибакская лодка! — воскликнул Роуэн. — В ту ночь зibaки каким-то образом подчинили тебя своей воле. В глубине твоего ума они спрятали тайные приказания и прикрыли их ложными воспоминаниями о Великом Змее. Когда ты вернулся к водяным людям, все заметили, что ты изменился, но не догадались о подлинной причине. Да и как они могли догадаться, если даже ты об этом не подозреваешь.

— Это невозможно, — возразил Силач Джон. — Наставники мальчика должны были заподозрить неладное. Да и сама Хранительница.

— Нет! — не оборачиваясь, сказал Роуэн. — Год назад Кристалл уже ослабел. Никто и не мог ничего заподозрить, потому что тайные приказы должны были выйти на поверхность ума Угрюма, лишь когда будут произнесены определенные слова. — Он пристально посмотрел в ничего не выражающие глаза Угрюма. — Я только что их произнес, верно? Их всегда произносят при избрании: «Оракул завершил избрание».

Угрюм задрожал и вытаращил глаза.

Роуэн ощутил приступ тошноты. Ужасно видеть, что знакомое лицо может измениться до такой степени!

— Я почувствовал, как это произошло, Угрюм. Тогда я не понял, в чем дело, но теперь догадался. В то мгновение ты утратил волю и стал рабом зibaков. Вот почему их корабли появились именно сейчас. Они увидели пламя, возвещающее о том, что избрание свершилось, и поняли, что их час наступил. Они ждут, когда ты подашь им знак, что Кристалл и вся Водяная страна в их власти.

Стон вырвался из груди Жемчужника. Закрыв руками лицо, посланник Хранителя медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Жемчужник! — резко сказал Роуэн. — Не трать время попусту! Приведи обратно Морелюба и Ясинку. Живо!

Жемчужник покачал головой.

— Живо! — волнуясь, повторил Роуэн. — Неужели ты не понял? Он не может стать Хранителем! Он всех нас предаст!

— Берегись! — пронзительно закричала Джиллер.

Она первой заметила, что в свободной руке Угрюма блеснуло лезвие.

Джон рванулся вперед и перехватил кинжал, уже занесенный над сердцем Хранительницы. Затем он скрутил Угрюма. С бешеной силой тот сперва вырывался, но внезапно уступил и безвольно повис в руках Джона.

— Оракул завершил избрание, — монотонно проговорил он. — Если он выберет не

Угрюма из рода панделлисов, Хранитель должен умереть. Кристалл должен умереть.

— Жемчужник! — закричал Роуэн. — Чего ты ждешь? Приведи...

— Двери заперты, — исполненным отчаяния голосом ответил Жемчужник. — Отомкнуть их может только Хранительница. Но ее уже не разбудишь. Ее уже не вернешь.

— Тогда ты, Жемчужник! — приказал Джон. — Ты сам должен соединиться с Кристаллом. Возможно, тебе этого не хочется. Но лучше уж ты, чем никто.

— Я не могу, — покачал головой Жемчужник. — Кристалл меня не знает. Я умру, как только прикоснусь к нему.

— Что же нам делать?! — в отчаянии воскликнул Роуэн. — Жемчужник, скажи, что нам делать?!

Жемчужник пристально посмотрел на него:

— У нас есть выход. Кроме Угрюма из рода панделлисов только один человек может прикоснуться к Кристаллу и остаться в живых. Только он может соединиться с ним и стать Хранителем водяного народа. И этот человек — ты.

22. Ужас

— Нет!

Эхо разнесло крик Роуэна по пещере. Он отскочил от Кристалла и умирающей Хранительницы.

«Я больше никогда не вернусь домой! Не увижу неба, и зеленых холмов, и Реки, и заснеженной вершины Горы... Свежий ароматный ветер не будет дуть мне в лицо, и я больше никогда не услышу веселого пения птиц! До конца своих дней я буду сидеть под землей, поглощенный великой тайной Кристалла...»

— Нет! — повторил Роуэн. — Ни за что!

— Ты должен, — ответил Жемчужник.

— Но я же не водяной человек! — вскричал Роуэн. — Я не могу...

— Сможешь, — настаивал Жемчужник. — Иначе мы все погибнем.

Он протянул руки к Джиллер.

— Скажи ему! — воскликнул он.

Роуэн резко обернулся к маме. Слезы струились по ее щекам.

— Ты должен, Роуэн. Это единственный выход, — прошептала она. — Меня Кристалл теперь уже не признает. Остался только ты...

— Быстрее! — прошипел Жемчужник. — Времени нет.

Роуэн посмотрел на Силача Джона, который все еще держал Угрюма. Глаза садовника были исполнены боли, но он печально кивнул.

Больше Роуэну надеяться было не на кого, и в душе он понимал, что выбора у него нет. Он спасет всех, кого любит, только если отречется от них. Если же он не сможет этого сделать, тогда они все погибнут.

Он расправил плечи и шагнул к Хранительнице. Кристалл, словно темный камень, лежал у нее на коленях. Лишь в самой его сердцевине теплилась тусклая зеленоватая искорка.

Роуэн положил свои ладони на руки Хранительницы. Она открыла глаза.

— Ты? — еле слышно проговорила Хранительница. — Почему?

— Больше никому, — мягко ответил Роуэн и услышал, как всхлипнула Джиллер.

Хранительница снова прикрыла глаза. Она была уже там, где ничему не удивляются и ни о чем не спрашивают. Но губы ее зашевелились. Роуэн склонился к ней и с трудом разобрал слова:

— Я говорю... но мне не верят. Ничто не устоит перед мощью Кристалла. Ощути... и... осознай.

И Роуэн стал падать — медленно-медленно, кружась в водовороте времени и воспоминаний. Пещера осталась далеко позади. Умолк мамин голос. И Роуэн почувствовал, что исчезает. Он отдавал себя во власть силы, но не с грустью, а преисполненный безбрежной радости.

Он погружался все глубже и глубже, становясь частью чего-то неизмеримо большего, чем он сам. Необъятного, как Море, и древнего, словно само время.

Ничто не могло устоять перед этой силой. Ни любовь к семье и сородичам. Ни обещания или наказания. Все уносилось прочь. Да и сам он: его привычки, страхи, надежды, ошибки — то, что привязывало его к жизни, — все ускользало от него. Он попытался

воспротивиться, стремясь удержать, не отпустить...

Ощути... и... осознай.

Была ли это Хранительница? Или голос прозвучал в его памяти?

Руки под его ладонями зашевелились.

Ничто не устоит перед мощью Кристалла...

И тут Роуэн понял. Наконец-то он осознал.

«Помоги мне, Хранитель, — мысленно взмолился он. — Помоги сделать то, что я должен».

Он почувствовал волну силы, отнял одну руку от Кристалла и подался назад, пытаясь дотянуться до неподвижно застывшего Угрюма.

Откуда-то издалека раздался крик матери:

— Роуэн!

Но он знал, что делает. Он схватил Угрюма за руку и оттащил его от Силача Джона. И тут же ощутил, как целительная сила, словно впадающая в море река, сквозь него несется в Угрюма.

Затем он потянул Угрюма вперед, положил его маленькие перепончатые руки поверх рук Хранительницы, а сам резко отпрянул от Кристалла.

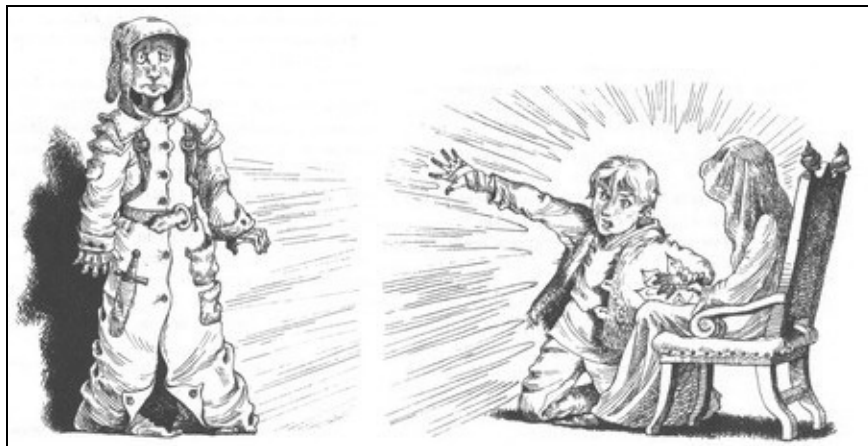
Нестерпимый удар обрушился на Роуэна. Он отшатнулся от кресла и рухнул на колени. Боль одиночества пронзила его сердце. Слезы застилали взор.

Затем он услышал вопли, эхом разносимые по пещере.

— Что ты наделал? — надрывался Жемчужник.

— Роуэн! Роуэн! — взывала Джиллер.

Он пытался ответить, но не мог вымолвить ни слова. Он медленно отполз назад, подальше от ослепительного света. Сияние Кристалла становилось все ярче. Он горел огнем, излучая все цвета и оттенки, какие только бывают на земле, в небесах и на море. Блеск и мерцание наполнили воздух, и покрытые водой стены пещеры засверкали, как радуга после дождя...

А потом все кончилось. Тщедушное сморщенное тело Хранительницы, словно пустая ракушка, лежало в кресле. Новый Хранитель стоял рядом и внимательно на всех смотрел. И Роуэн узнал этот взор — глубокий печальный взор Угрюма из рода панделлисов. Но Хранитель казался выше и держался прямей, чем Угрюм. Его одеяние больше не было голубым, но, словно сияющая вода, излучало все цвета спектра. Кристалл, как звезда, вспыхивал у него в руках.

Жемчужник отступил назад и поклонился.

— Приветствую тебя, Хранитель Кристалла, — срывающимся голосом проговорил он.

Лицо его окаменело от ужаса.

— Солнце восходит, — сказал Хранитель. Он повернулся к Роуэну. — Иди за мной.

Без единого слова Роуэн и его спутники проследовали за Хранителем сквозь водяную завесу и стали подниматься по ступенькам. Наверху они прошли через пустынный зал, и двери перед ними бесшумно отворились.

Площадь была заполнена людьми. Панделлисы в голубых одеяниях, умбры в серебристых, фиски — в зеленых. Они держались обособленно друг от друга и все как один смотрели на Море, над которым всходило солнце.

Хранитель со светящимся Кристаллом в руках выступил вперед. Раздались оглушительные крики. То были радостные приветствия и возгласы облегчения. Но при этом все люди указывали на Море.

Медленно повернув голову, Хранитель посмотрел на горизонт, потемневший от великого множества вражеских кораблей. Роуэн похолодел от ужаса.

Хранитель поднял Кристалл над головой, и тот вспыхнул в лучах восходящего солнца. Радостные возгласы водяных людей сменились воплями отчаяния, когда в ответ на сигнал бурые паруса рванулись вперед.

— Он призвал их, — прошептал Жемчужник. — Мы пропали.

Хранитель неподвижно наблюдал за тем, как, обгоняя ветер, корабли скользят по воде.

Силач Джон коснулся руки Роуэна и прошептал ему в самое ухо:

— Позаботься о матери. Выбирайтесь из толпы и как можно скорее спешите в Рин.

— Джон, я тебя не покину, — услышав его слова, возразила Джиллер.

— Ты должна это сделать, — мрачно ответил Джон. — Нужно предупредить наших людей, чтобы нападение зибакров не было для них внезапным...

— Тогда пусть Роуэн идет один, — стояла на своем Джиллер. — Для такого путешествия у меня еще мало сил. Я буду только задерживать Роуэна.

— Джиллер, ты должна идти.

— Я не пойду.

Водяные люди молчали. Не отрываясь, они смотрели на Хранителя, ожидая, что знаком он прикажет им начать сражение.

Но Хранитель стоял неподвижно.

«Это я во всем виноват», — подумал Роуэн. И тут в самую отчаянную минуту он вспомнил о том, что Звездочка заперта в хлеву и не сможет ни защититься, ни убежать.

Он бросился к Хранителю.

— Угрюм... — начал было он и осекся, встретившись со светящимся взглядом Хранителя.

— Угрюма из рода панделлисов больше нет, Роуэн из Рина. Я Хранитель Кристалла.

— Я просто подумал... — Роуэн опять не сумел договорить.

— Ты прав, — мягко заметил Хранитель, как будто Роуэн вслух произнес то, что имел в виду. — Подожди немного.

Передовые корабли зибакров уже подошли так близко, что Роуэн мог разглядеть исполненные кровожадной радости лица выстроившихся на палубе воинов. У каждого воина лоб пересекала черная полоса. Оружие блестело на солнце.

Хранитель снова поднял руки.

— Пора! — негромко сказал он.

Кристалл ослепительно вспыхнул.

И в то же мгновение огромные темные тучи появились на горизонте. Ледяной ветер с невероятной быстротой разнес их по небу, закрыв ими солнце. Мир померк, сгустилась ночная мгла.

— Что это? — Джон схватил Роуэна за руку. — Роуэн!

Хранитель еще выше поднял Кристалл. Загрохотал гром, молния расколола небо и, словно копье, вонзилась в бурные волны.

Ужасный вопль раздался над толпой. А на Море зибакские корабли сталкивались друг с другом, кружились и угрожающе кренились к воде. Сверху на них обрушивались удары молний. Ветер неистовствовал. Мачты трещали и падали, а паруса были изорваны в клочья.

Затем послышалось странное бульканье и вода словно закипела — это из глубины на поверхность выплыли тысячи змей. Они извивались и злобно шипели. Перед их яростью мощные боевые корабли казались хрупкими и беспомощными, как сухие листья в бурном потоке. Деревянные борта трещали и раскалывались. Бесполезные теперь пушки сыпались в воду. Ветер относил прочь отчаянные вопли обреченных зибакских воинов.

Роуэн отвернулся. Он пытался напомнить себе, что это враги его народа, что они несли страдание и смерть для всех, кого он любит. И все равно он был не в силах смотреть на гибель зибаксов.

Но Хранитель Кристалла внимательно наблюдал за происходящим. И только когда все было закончено, он успокоил бурю.

23. Прощание

Роуэн, Джиллер и Силач Джон провели в Водяной стране еще два дня, отдыхая от всего, что им пришлось пережить. Но теперь им нестерпимо хотелось домой. Водяные люди пожелали им счастливого пути, вручили множество подарков и взяли с них обещание, что они скоро вернутся.

Закончив сборы в дорогу, Роуэн в одиночестве направился к Хранителю Кристалла. Перед ним открылись двери, и он медленно прошел сквозь пустынный зал и по ступенькам спустился в пещеру.

Добро пожаловать!

Пещера утопала в ослепительных лучах. Хранитель восседал в кресле, окруженный радужным светом.

— Я пришел попрощаться, — сказал Роуэн.

— Мы не прощаемся, — ответил Хранитель. — Помни, Роуэн из Рина, отныне я всегда буду с тобой, а ты со мной.

Роуэн кивнул. Он никому не рассказывал об этом, даже маме. Но за прошедшие два дня он кое-что понял. Он осознал, что в то самое мгновение, когда сила Кристалла перетекала сквозь него в Угрюма из рода панделлисов, между ними установилась нерушимая связь.

— Теперь у меня есть воспоминания о Рине, хотя я там никогда не был, — с улыбкой проговорил Хранитель. — Я вижу, как лютики цветут на склонах холмов. Слышу мычание букшахов на пастбище. Я полюбил копаться в земле и знаю, какова она на ощупь.

— А я теперь умею скользить в воде, словно рыба, — подхватил Роуэн. — И чувствую прохладный влажный песок под ногами. По ночам при свете масляной лампы я чиню сети. Я слышу пронзительные крики морских птиц и вижу, как летучие рыбы несутся по гребням волн под синим-пресиним небом.

— Мы понимаем друг друга так, как никогда не случалось людям из наших народов, — сказал Хранитель. — И благодаря тому, что произошло между нами в то утро, когда ты сделал выбор, поверь мне, никто из грядущих Оракулов больше не пострадает от рук водяных людей.

— Да, — ответил Роуэн, — я верю.

— Я приказал Жемчужнику из рода панделлисов поведать людям о том, что случилось, — продолжил Хранитель. — Он рассказал им, что, прежде чем соединиться с Кристаллом, я был тайным врагом водяного народа, слепым орудием зигаков. Люди увидели своими глазами, что произошло с кораблями зигаков, и они наконец-то все поняли. — Хранитель улыбнулся. — Не важно, из какого рода происходит Хранитель. Ничто не устоит перед мощью Кристалла. Ни любовь к семье, к друзьям, к родному крову или верность роду. Ни даже гипнотические атаки врагов.

— Я осознал это, лишь когда сам ощутил его силу, — шепотом произнес Роуэн. — Только тогда я понял, что ни один Хранитель никогда не сможет предать водяных людей. — Он направился к дверям. — Прощай, Угрюм, — сказал он.

— Прощай, мой друг, — отозвался Хранитель.

Множество людей собралось на окраине города, чтобы проводить их домой. Были там и Ясинка, и Морелюб, и Жемчужник.

— До свидания, Оракул из Рина, — серьезно сказала Ясинка, пожимая руку Роуэну. —

Я... я очень тебе признательна.

Роуэн решил, что ослышался, и посмотрел на нее с удивлением.

— Стань я Хранителем, я приказала бы водяным людям в лодках выйти в Море навстречу зибакам. Потому что так мы делали всегда. Как всегда, мы вступили бы в сражение. И возможно, благодаря силе Кристалла мы одержали бы победу, но многие из нас неминуемо погибли бы. Ты правильно сделал, что выбрал Угрюма из рода панделлисов. У него ясный ум, и он не боится новых решений. Он будет равен Хранителям давних веков, ведь он не только будет наделен силой Кристалла, но и передаст ему свое хитроумие. Поэтому я тебе очень благодарна.

Она отошла в сторону, как всегда суровая и спокойная.

Следующим подошел Морелюб. С ним была высокая женщина в зеленых одеждах рода фисков. Роуэн сразу узнал ее: это она сопровождала его в пещеру, а потом, стоя на берегу, высматривала их на острове. Но теперь лицо ее не было таким серьезным и строгим — оно лучилось от радости.

— Это Имла, — представил ее Морелюб. — Мы поженимся летом, когда заживут мои руки. Мы бы очень хотели, чтобы ты приехал к нам на свадьбу. Дружище, ты будешь самым желанным гостем! Мы будем тебе очень рады.

Роуэн с улыбкой кивнул. Наконец-то он понял, почему Морелюб обрадовался, узнав, что его не избрали Хранителем. Морелюб — сильный и смелый человек. Он сумел подчинить свою волю чувству долга. Он изо всех сил старался оправдать надежды своего рода, но, проиграв, был свободен жить так, как ему хочется: дышать морским ветром, плавать в Море и жениться на женщине, которую он полюбил.

Жемчужник подошел проститься последним. Он пожал руки Джиллер, Силачу Джону и Роуэну. Но Роуэн с трудом скрыл улыбку, заметив, что водяной человек старается держаться подальше от Звездочки.

— Возможно, Роуэн, тебе больше не захочется посещать берега Водяной страны, — со своей обычной холодной вежливостью проговорил Жемчужник. — Но если ты приедешь, мой дом всегда открыт для тебя.

— Я вернусь, — заверил его Роуэн и взглянул на Морелюба и Имлу. — По крайней мере, летом на свадьбу, — добавил он.

Жемчужник улыбнулся и поклонился.

А затем Роуэн, Джиллер, Силач Джон и Звездочка в последний раз посмотрели на Море и пустились в обратный путь. Долгое время они шли, не произнося ни слова.

Далеко впереди Река изгибалась и исчезала среди зеленых холмов. Им предстояло длинное путешествие, но никто об этом не жалел.

Они были в безопасности. Они были вместе. И с каждым шагом приближались к дому.

Примечания

Перевод стихов А. Егорушкиной.